

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

С.И. ШАРИНА

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ
И ПОСЕССИВНОСТЬ
В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ответственный редактор
доктор филологических наук *В.А. Роббек*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2001

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РС(Я)

УДК 802/809.411.5

ББК 81

Ш26

Рецензенты

кандидат филологических наук *Т.Е. Андреева*
кандидат филологических наук *В.Г. Белолобская*

Утверждено к печати Ученым советом
Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Шарина С.И.

Ш26

Персональность и посессивность в эвенском языке. — Новосибирск: Наука, 2001. — 94 с.
ISBN 5—02—031840—X.

В монографии раскрывается грамматическая сущность форм, актуализирующих персональность и посессивность в эвенском языке; выделяются взаимосвязи морфологических, синтаксических, лексических и комбинированных средств при выражении данных категориальных значений. В рамках описания поля посессивности рассматриваются системы взаимодействующих средств языка, служащих для выражения вариантов посессивных отношений. При описании местоимений эвенского языка привлекается диалектологический материал.

Для филологов.

УДК 802/809.411.5

ББК 81

- © С.И. Шарина, 2001
- © Институт проблем малочисленных народов Севера, 2001
- © Оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2001

ISBN 5—02—031840—X

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бесспорно, что проблема описания языков и в начале XXI в. остается одной из самых актуальных в языкознании. Ее сложность для североведческой лингвистической науки состоит в том, что в связи с уровнем изученности этих языков и задачами предназначенности их описания встает вопрос об ограниченности, специфичности описания, когда оно выдерживается в определенном аспекте. Высказываются довольно справедливые, с точки зрения установившихся научных традиций изучения языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, замечания и опасения по поводу априорных исследований. Дискуссионен этот вопрос и для работ, ориентированных на функциональный подход к трактовке категорий языка.

Однако по результатам работ по эвенскому языку (В.А. Роббек, А.Л. Мальчуков и др.) нетрудно заметить, что между идеями универсальной грамматики, понятийными категориями и подходом функциональной грамматики есть преемственная связь, которая позволяет выдержать исследование в русле традиционных описаний. Более того, подход теории функциональной грамматики более удобен в отношении тех трудностей, которые возникают при описании языка. Опыт показывает, что описание грамматической системы эвенского языка в рамках функционального подхода вполне оправдано и целесообразно.

В данном случае важен сам факт, что теоретические положения функциональной грамматики рассматриваются с аргументацией материалом эвенского языка. Такие конкретные исследования могут иллюстри-

ровать общие тенденции в языковых процессах и их специфические проявления в отдельных языках.

В настоящей работе продолжается предпринятое нами ранее исследование основных семантических категорий грамматики эвенского языка и образуемых ими функциональных полей [Шарина, 1999].

Актуальность разработки вопроса категории персональности и посессивности в функциональном ключе обуславливается и логическим продолжением исследований функционально-семантических полей эвенского языка, и необходимостью практических результатов. Выбор жанра функционально-ориентированного описания определяется потребностями эвеноведения и логикой развития лингвистической науки в целом.

Наш подход базируется на теории функциональной грамматики, разрабатываемой сотрудниками отдела теории грамматики и лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН.

Цель исследования состоит в комплексном функционально-семантическом анализе языкового содержания категорий персональности и посессивности в эвенском языке и базирующихся на них функционально-семантических полей.

В связи с этим в исследовании решаются следующие задачи:

1) раскрытие грамматической сущности форм, актуализирующих персональность и посессивность;

2) выделение взаимосвязи морфологических, синтаксических, лексических и комбинированных средств при выражении категориального значения персональности и посессивности;

3) анализ типовых категориальных ситуаций персональности и посессивности.

Работа состоит из предисловия, введения, где кратко рассматривается история изучения интересующих нас вопросов, трех глав и заключения. В первой главе в качестве объекта исследования выводятся ряды местоимений эвенского языка. Во второй главе рассматривается конкретно-языковое содержание и

универсально-понятийный аспект категории персональности, задача третьей главы заключается в структурировании поля посессивности.

Структура представленного исследования почти повторяет нашу предшествующую работу, посвященную категории количественности [Шарина, 1999]. Однако если рассмотрение числительных в ракурсе проблемы категории количественности вполне оправдано, то в данном случае может возникнуть вполне справедливый вопрос по поводу уравнивания различных разрядов местоимений эвенского языка относительно, например, категории персональности, актуализируемой, как известно, только личными местоимениями, да еще и в определенной грамматической позиции. Такое положение явно говорит о том, что работа выполняется отнюдь не в рамках общей темы и цели. Здесь следует пояснить, что многие частные вопросы грамматики эвенского языка еще не подвергались специальным исследованиям. Это относится и к некоторым частям речи, в частности к местоимениям. Мы считаем, что в прагматическом плане анализ местоимений имеет определенную актуальность для эвенского языкознания в целом и для более глубокого анализа конкретно-языкового аспекта категории персональности и посессивности.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И ПОСЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Местоименные указатели отмечаются почти во всех языках мира как универсальные тенденции. Неопровержим факт, что их значение в любом языке огромно, и соответственно данный вопрос привлекает стойкое внимание лингвистов.

Среди массы литературы, посвященной местоимениям, можно остановиться на классическом труде К.Е. Майтинской «Местоимения в языках разных систем» [1969], представляющем собой типологическое исследование на материале почти 250 языков разных групп. В данной работе объектом исследования являются местоимения в широком смысле этого термина, т.е. под этим термином понимаются не только склоняемые указательные слова, как в индоевропейских языках, но, и несклоняемые основы в местоименной функции. К.Е. Майтинская признает наиболее важным для определения частей речи морфологический принцип. Автор приводит как важнейшие разряды дейктических слов указательные, личные и вопросительные местоимения, выясняет их происхождение, морфологические формы и синтаксическую роль, образование при их помощи служебных слов и формантов. Как второстепенные разряды рассматриваются неопределенные, обобщительно-определятельные, отрицательные, возвратные, возвратно-определятельные местоимения.

Лингвистами, исследующими языки алтайской группы, также принято выделять основополагающий труд В. Котвича «Местоимения в алтайских языках» [1978]. В. Котвич рассматривает данные монгольского языка в сравнении с тюркским и тунгусо-маньчжур-

ским материалом, систематизирует по морфологическому принципу личные, указательные и вопросительные местоимения.

Нельзя не отметить и типологические работы, в которых, помимо традиционного описания системы, структуры, формальных показателей местоимений в отдельных языках, дается компонентный анализ некоторых местоименных форм, устанавливаются универсалии их структур и функционирования, освещаются вопросы логики. Вышедшая в 1974 г. книга Е.М. Вольф «Грамматика и семантика местоимений» посвящена исследованию функциональных особенностей личных, притяжательных и указательных местоимений испанского, португальского и каталанского языков. Примечательно то, что в данной работе анализируются значение и употребление местоимений в тексте, их роль в организации внутритекстовых связей и пр.

В.В. Виноградов отмечал: «Категория лица в глаголе обнаруживает тесную связь с категорией лица в классе местоимений» [1972, с. 360]. Исходя из постулата, что семантическая структура местоимений и манифестируемой в глаголе категории лица идентична, перейдем к рассмотрению вопроса, касающегося категории лица.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова дает следующее определение категории лица глагола: «Грамматическая категория глагола, обозначающая отношение действия (процесса) и его субъекта к говорящему лицу...» [1969, с. 220]. Емкостью и основополагающими выводами отличается определение Р.О. Якобсона: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо — о тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. адресатом» [1972, с. 100].

В тунгусо-маньчжурском языкознании исследование категории лица как определенности, охватывающей местоименные и глагольные формы лица (персональность), а также отношение принадлежности

(посессивность), впервые было предпринято А.Ф. Бойцовой [1940]. Результаты исследования, не утратившего свою ценность и в настоящее время, представляют собой опорный материал для анализа категории персональности в эвенском языке.

Подход А.Ф. Бойцовой заключается в трактовке лица как грамматической категории, выражаемой определенными грамматическими формами (формы лица глаголов, притяжательные суффиксы имен и некоторые разряды местоимений: личные, возвратные, лично-притяжательные, возвратно-притяжательные, определительные, определительно-притяжательные). Работа «Категория лица в эвенкийском языке», вопреки скромному названию, охватывает большой языковой материал не только тунгусо-маньчжурской группы языков (эвенкийского, эвенского, негидальского, солонского, ороцкого, удэгейского, ульчского, нанайского, маньчжурского), но и других алтайских языков (монгольского, халхасского, дагурского, бурятского и турецкого). Рассматривая его параллельно и в сравнении с данными эвенкийского языка, автор выявляет универсалии по различным аспектам функционирования и развития личных местоименных форм в тунгусо-маньчжурских языках, регулярность некоторых морфологических процессов. Это говорит о том, что данный труд представляет собой сравнительно-историческое исследование.

Мы же, ни в коей мере не противопоставляя свое отношение к описываемому предмету взглядам предшественников, исходя из принципов функциональной грамматики будем стремиться раскрыть систему взаимодействия и функционирования языковых средств (грамматических форм, лексики, контекста), служащих для передачи смысла категории лица.

Впервые категория персональности как функционально-семантическое поле была описана в работе В.А. Роббека «Грамматические категории эвенского глагола» [1992, с. 126—131]. Автор аргументированно выводит положение, что функционально-семантическая категория персональности в эвенском языке представляет собой систему разнородных языковых

средств, способных взаимодействовать для выражения семантики лица, и семантика лица в эвенском языке выражается всеми формами личных местоимений, личными суффиксами глаголов, притяжательными формами имен, а также синтаксическими и лексическими средствами. Данный материал позволяет приступить к обобщающему осмыслению категории персональности, дать более обширную характеристику функционально-семантического поля персональности в специальном исследовании.

К основному «инвентарю» средств выражения персональности относятся личные местоимения. Однако, как было оговорено выше, мы здесь рассматриваем и все другие разряды местоимений. Являясь довольно очевидной языковой универсалией, местоимения отмечаются всеми исследователями эвенского языка.

Считаем немаловажным кратко остановиться на вопросе о взглядах на данную проблему одного из исследователей тунгусо-маньчжурских языков О.П. Суника, который, в отличие от некоторых частей речи (существительного, прилагательного, наречия и глагола), относит местоимения и числительные к «частным группам знаменательных слов» [1958, с. 60]. Однако при описании морфологии тунгусо-маньчжурских языков (нанайского и ульчского) он последовательно выводит местоимения в один ряд с другими частями речи. Например, в ульчском языке выделяет личные, указательные, вопросительные и определительные местоимения [Суник, 1985, с. 39].

В.И. Цинциус в основополагающем труде «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» приводит восемь разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные [1947, с. 129].

В «Очерках диалектов эвенского языка: Ольский говор» К.А. Новикова отмечает особенности склонения личных, возвратных, вопросительных и указательных местоимений [1960].

Все авторы более поздних грамматических работ по эвенскому языку выделяют местоимение как часть речи.

В.Д. Лебедев [1978] при описании догдо-чебоглахского говора отмечает восемь разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительно-относительные, неопределенные и отрицательные.

В работе «Охотский диалект эвенского языка» В.Д. Лебедев выделяет также восемь разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные [1982].

В работе «Язык эвенов Березовки» В.А. Роббек выделяет семь разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные. Личные местоимения он подразделяет на собственно-личные и лично-указательные (*ноган* и *ногартан*), так как они могут употребляться не только относительно лиц, но и животных. Отмечает, что «бу 'мы (все)' — это говорящее лицо с кем-нибудь (одним человеком), т.е. это двойственное лицо личного местоимения или в случае разделения на две группы 'мы (без вас)'. Слово мут 'мы (с вами)' — это говорящее лицо вместе со всеми, от имени которых говорится... Личные местоимения склоняются по всем падежам простого склонения, кроме направительно-местного и направительно-продольного» [Роббек, 1989, с. 117]. Выявляются особенности их склонения: наличие супплетивных форм в косвенных падежах (*мин*, *мун*, *хин*, *хун*), при склонении лично-указательных местоимений выдерживается порядок размещения именных морфологических категорий, т.е. суффиксы падежей становятся перед притяжательным суффиксом *-тан*. Личные местоимения принимают суффиксы направительно-местного и направительно-продольного падежей только с суффиксом *-гида/-гидэ*, показывающим стороны чего-нибудь. Значение данных падежей с некоторой условностью можно заменить аналитической формой в сочетании с послелогоми *истала* 'до чего-нибудь' и *хатли* 'мимо чего-нибудь': *миндулэ истала*, *мундулэ истала*, *хундулэ истала*, *мин хатлив*, *хин хатлис*, *мут хатлит*, *хун хатлисан* и т.д.

Х.И. Дуткин в «Аллаиховском говоре эвенов Якутии» [1995], так же как и В.А. Роббек, выделяет семь разрядов местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные.

Из изложенного следует, что для эвенского языка обобщение результатов ранее предпринятых исследований по проблематике местоимений может быть использовано при более детальном рассмотрении данной части речи не только в ракурсе традиционных проблем грамматики и семантики, но и при освещении функционально-семантической категории персональности. Изучение эвенских местоимений также может быть полезным для сравнительно-лингвистических работ.

ПОСЕССИВНОСТЬ

Интересующая нас грамматическая категория посессивности упоминается во всех работах, посвященных систематическому исследованию морфологии тунгусской подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, как весьма употребительная и широко представленная группа форм, не обойдена она вниманием и как объект специального исследования (В.А. Горцевская, В.И. Цинциус, Б.В. Болдырев, Л.И. Сем).

Категория посессивности отражена и в специальной литературе по определенным тунгусо-маньчжурским языкам под различными терминами: категория притяжательности, обладания, принадлежности.

В работе В.А. Горцевской «Формы отрицания в эвенкийском языке» [1941] данная категория впервые в тунгусо-маньчжуроведении представлена наиболее полно. Автор дала характеристику форм обладания и необладания в тунгусо-маньчжурских языках.

По мере изучения тунгусо-маньчжурских языков и их диалектов данные по интересующему нас вопросу расширяются и уточняются. Рассмотрим взгляды некоторых отечественных исследователей тунгусо-маньчжурских языков на данную проблему.

О.П. Суник в работе «Существительное в тунгусо-маньчжурских языках» обращает внимание на своеобразное дублирование посессивных значений в тунгусо-маньчжурских языках: «Необходимо помнить, что и в тунг. языках, имеющих лично-притяжательные и безлично-притяжательные окончания, перед оформленным одним из них существительным могут быть и часто бывают соответствующие личные и безличные местоимения, которые усиливают и подчеркивают притяжательность и по смыслу соответствуют ма. притяжательным местоимениям...» [1982, с. 226].

Интересно также его суждение об этимологии безлично-притяжательного показателя и возвратного местоимения в алтайской группе языков: «...В плане историческом так называемые возвратные (определятельные) местоимения “сам”/“свой” и так называемые возвратные (безлично-притяжательные) окончания оказываются тождественными — восходящими к неким прономинализованному существительным, в значительной мере общими для некоторых групп алтайских языков» [Суник, 1982, с. 237—238]. При рассмотрении вопроса о существительном в тунгусо-маньчжурских языках он подчеркивает различие лично-притяжательных и безлично-притяжательных показателей, называя их «окончаниями»: «В отличие от лично-притяжательных окончаний, которые, восходя к разным формам личных местоимений, выступают то как притяжательные, то как предикативные, формы субстантивных слов с безлично-притяжательными окончаниями всегда оказываются только притяжательными (посессивными)» [Суник, 1982, с. 238].

Формы обладания в тунгусо-маньчжурских языках рассматриваются с точки зрения этимологии в статье Л.И. Сем [1998].

Все авторы грамматических работ по эвенскому языку при систематическом изложении морфологии отмечают показатели принадлежности.

В 1895 г. впервые в тунгусо-маньчжуроведении в работе «Материалы по ламутскому языку» В.Г. Богораза, являющейся первым систематическим изложением морфологии эвенского языка, указано наличие

в эвенском языке категории принадлежности: «Притяжательные формы имен образуются при помощи следующих суффиксов:

1 л.	2 л.	3 л.
Sing-b (u)	-ш (i)	-п (i)
Plur-t (i), -(h) un	-шоп	-тан

Суффиксы эти к основе присоединяются двояким образом: 1) непосредственно, напр. min d'u'-u 'мой дом', или 2) со вставлением суффикса -п, напр. min halapu 'мое железо'.

По первому способу образуются притяжательные формы слов, обозначающих степени родства, части человеческого тела, и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т.д. По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, например объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т.д.» [1931].

В.Г. Богораз здесь же отмечает наличие в эвенском языке косвенно-притяжательных форм и употребление их с основами существительных различных фонетических типов в связи с основными фонетическими закономерностями.

Наиболее примечательны относительно языкового материала нашего предмета работы В.И. Левина «Самоучитель эвенского языка» [1935] и «Краткий эвенско-русский словарь» [1936]. Автор более подробно освещает вопрос, выделяя четкие семантические группы имен существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление и указывая на возможность оформления косвенно-притяжательными формантами имен прилагательных, выступающих в предложении в функции определений.

В опубликованном в 1947 г. труде «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» В.И. Цинциус уделяет большое внимание вопросам, связанным с грамматической формой принадлежности. Автор вносит существенные дополнения в разработку вопроса.

В частности, В.И. Цинциус выделяет суффикс косвенной принадлежности в особую группу форм выражения логико-грамматических отношений, мотивируя тем, что он не может быть отнесен ни к словообразовательным, ни к словоизменительным формантам; в работе определены место суффикса косвенной принадлежности среди других формантов в составе слова, а также возможность сочетания в одном слове суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания на *-лкан* [1947].

К.А. Новикова в исследовании «Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор» указывает, что все семантические группы имен существительных обладают способностью принимать и прямое, и косвенно-притяжательное оформление. Она отмечает также возможность косвенно-притяжательного оформления при случае окказиональной субстантивации имен прилагательных, числительных, указательных местоимений и причастий [Новикова, 1960].

О предмете нашего исследования в статье «Эвенский язык» энциклопедического издания «Языки мира» К.А. Новикова пишет: «Категория принадлежности выражается посредством системы притяжательных суффиксов, которые присоединяются к основе существительного непосредственно (неотторжимая принадлежность), либо с добавлением к основе суффикса *-н-* (отторжимая принадлежность), ср.: дюн 'его жилище, дом', дюнгын 'некто, считающееся его жилищем, домом' или 'жилище, временно принадлежащее ему'. В двучленных притяжательных конструкциях первым членом может быть другое существительное или местоимение (личное, определительное в форме основы): этикэн дюн 'дом старика', мин дюв 'мой дом', мэн дюй 'свой дом'» [1996].

Нельзя не отметить работу А.Л. Мальчукова «Синтаксис простого предложения. Структурные и семантические аспекты», где автор среди способов выражения подчинительной связи рассматривает конструкции с притяжательным оформлением [1999, с. 21] и выводит типы посессивно-экзистенциальных предложений [Там же, с. 125]. По сути, в рамках исследо-

вания структурного и семантического аспектов эвенского предложения он впервые систематизирует possessive конструкции в эвенском языке. Данное положение безусловно облегчает нашу работу по описанию функционально-семантического поля личности.

Глава I

МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Основная функциональная характеристика эвенских местоимений — это собственно указание, они являются дейктическими словами. В то же время местоимения выполняют и роль субститутов — слов-заместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты содержательных структур высказывания. В случае с местоимениями большую роль при выполнении общей функции коммуникации играет определенная ситуативность, речевая соотнесенность. В связи с этим в данной главе предпринята попытка рассмотрения местоимений с точки зрения их активного функционирования в устной и письменной эвенской речи.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Личные местоимения выступают наиболее выразительной частью лексики, подтверждающей генетическое родство языков тунгусо-маньчжурской группы своей почти исключительной фонетической регулярностью.

Личные местоимения эвенского языка соотносимы с классическими индивидуализирующими обозначениями — именами собственными. Однако единичная референция, присущая им, отражает сущность категории лица, базирующейся на отношениях пересечения/непересечения лиц — участников обозначаемой ситуации и лиц — участников ситуации речи (говорящий и слушающий). Сфера говорящего в данном случае актуализируется личным местоимением

би 'я'. Основной функцией местоимений 1-го л. ед. ч. является указание на личность говорящего как участника ситуации речи (конкретный персональный дейксис), и это определяет их преимущественное употребление в диалогической речи и повествованиях определенного порядка. Примеры: *Аринка гөнни*: «*Би дебэмэлрэм, учиктикий шлли-си*». 'Черт говорит: «Я хочу есть, слезай с верхового оленя»'. *Гэлэ, би-дэ яручи-сандаку, некивур бөлрэ минду, би-дэ ач атикана бисэм* (Н.). 'Ну-ка, я тоже попробую, лук ваш дайте мне, я тоже не имею жены'.

Отличительная особенность данного местоимения в том, что в эвенском языке (как и в других тунгусо-маньчжурских языках) отмечается супплетивная форма в косвенных падежах (мин), например: *Эди минэч инин-кэр, хи бэй бисэнри, ями миндук дюллэ дебэмэлдинри хи?* 'Не смейся надо мной, ты же мужчина, как можешь раньше меня проголодаться ты?' (Н.). В данной грамматической позиции местоимение 1-го л. ед. ч. актуализирует неанфорический дейксис — указание на говорящего.

Персоналии 1-го л. мн. ч. представлены двумя формами: исключаящая бу 'мы (без вас)' и включающая мут 'мы (с вами)'. Они имеют семантику некой обобщенности лиц, которая представляет лично говорящего и неопределенное количество лиц, участвующих или не участвующих в речевом акте.

В лингвистической литературе дискутируется вопрос корреляции инклюзив/экслюзив данными местоимениями (в частности, см.: [Бенвенист, 1974, с. 267; Хасанова, 1986, с. 26; Теория..., 1991, с. 91 (Володин)]). Эвенское бу может обозначать 'я + ты' — в сущности, двойственное число 1-го л. при множественности слушающих (инклюзив) и 'я + он/они', которое исключает слушающего (экслюзив). Данное местоимение употребляется говорящим при обозначении группы лиц, включающей говорящего, но исключаящей слушающего, при обращении к лицу или лицам, например: *Бу өрэлдэру танамгал Хэвки Төрэнни ханиван эвэдыч тананнавутан. Бу хоканчидиру, Ху мунтэки эрэк тулмачин дюгулин дукракасан* (Л.Е.). 'Мы

(имеется в виду редакция) рады тому, что читатели будут читать Божье Слово по-эвенски. Мы будем рады, если вы нам напишете про этот перевод'. *Тек ху холаки хөрлиэрэ, бу эду дагрит эмэбдэкун* (Бер.). 'Сейчас вы идите вверх по течению реки, а мы (без вас) на время останемся здесь'. *Нянин хаманни итунни итучадин мут элэ чакаптап*. 'По воле шамана неба мы здесь собрались' (Н.). *Тала мут нючалнюн өмэтту олдав бэйчэникэн, туугуһкэлдэ*. 'Там мы с русскими вместе рыбу промышляя, зазимуюем' (Алл.).

В приведенных конструкциях противопоставление ясно реализуется и в личных местоимениях, и в глагольных формах. В говорах эвенов Якутии употребляется только одно местоимение 1-го л. мн. ч. мут, за исключением языка эвенов Березовки, относящегося к восточному наречию.

Образование множественного числа некоторых личных местоимений в эвенском языке не укладывается в рамках привычного суффиксального образования. Так, множество лиц — участников речи определяется нехарактерным для эвенского языка способом выражения множественности — супплетивизмом (ср.: би-бу 'я-мы', хи-ху 'ты-вы'). В своем роде данные местоимения указывают на персональные и неповторимые понятия, показатели формально грамматического множественного числа, обозначающего совокупность предметов одного порядка, здесь как бы неуместны.

Форма 1-го л. мн. ч. включительной формы иногда «может иметь значение действия, указанного к адресату действия» [Роббек, 1992, с. 125], типа: *Харак-е, он мут бисэл-э?* 'Дружок, как мы живем? (в смысле, как ты поживаешь)'

В отличие от местоимения би 'я' местоимение хи 'ты' обозначает участника ситуации речи, к которому адресуется сообщение, имеет указание на собственно лицо слушающего (определенно-личный дейксис). Например: *Аманни улгимин асаткантакий: «Нитки хи мерэмсэнри?»* 'Отец спрашивает у дочери: «За кого ты хочешь пойти замуж?»' (Н.). *Би толкундарив хи аич биддивус*. 'Я видела сон, ты хорошо будешь жить' (Н.).

При склонении данное местоимение принимает форму *хин*: *Тек би хину эливун ханувкандим мөлэ*. 'Сейчас я тебя по-настоящему утоплю в воде'. *Эрэк хинду хиги хункин анин*. 'Это тебе хозяин тайги дарит' (Н.). *Мину гургэвчиринюн бакчинри, дю долан иврэкэс-нюн, хину айдим — гөни бисни (мо)*. 'Меня найдешь, когда работаешь, а я тебя спасу, если меня занесешь в дом — говорящий есть (дрова)' (Э. Ф.).

Кроме основной функции указания на собственно-личный дейксис местоимение 2-го л. ед. ч. по семантическому признаку не указания на участника ситуации речи иногда может быть трактовано и как неанафорический дейксис: *Хи хөлурэкэс, нонган бодуччин, хи негракас нонган бодалды — гөнти бисни (хинян)*. 'Ты за ней побежишь, она за собой тебя поведет, ты впереди пойдешь, она за тобой — так говорят (тьень)' (Э. Ф.). Персоналия 2-го лица мн. ч., представленная формой *ху 'вы'*, имеет семантику собственно-личного и иногда неанафорического дейксиса.

Приведенными местоимениями 1-го и 2-го л. ед. ч. исчерпывается сторона участников речи. В.А. Роббек противопоставляет данные персональные категории по следующему рангу: «Три лица образуют иерархию, включающую два типа оппозиций по признаку "личности" и "субъектности". Признак "личность" противопоставляет первое и второе лицо третьему. Первое и второе лицо всегда соотносятся с одушевленными и очеловеченными объектами. Третье лицо может указывать на любой объект. Признак "субъектность" противопоставляет первое лицо (говорящий) второму (слушающий)» [1992, с. 120].

Местоимение 3-го л. ед. ч. *нонган* 'он, она' обозначает участника ситуации, т.е. лицо, не участвующее в речевом акте, о котором сообщается. Данное местоимение в эвенском языке по типу персонального дейксиса в основном употребляется как анафорический дейксис — указание на ранее названное или указанное лицо. Местоимение *нонган* по содержанию значительно отличается от предыдущих тем, что оно может указывать не только на конкретное лицо, но и обладает более широкой «заместительной» функци-

ей, охватывая различного рода предметы и обобщенные понятия. В фольклоре отмечается употребление данного местоимения относительно одушевленных предметов, явлений или очеловеченных животных. Примеры: *Би илэ бидим, нонган тала бидин. Хи илэ бидинри, нонган тала бидин. Мут илэ гургэвчидип, нонган тала гургэвчидин (хинян)*. 'Где я буду, там и она находится. Где ты будешь, там и она находится. Где мы будем работать, там и она работает (тень)' (Э. Ф.). *Нонган хоч аяванникан-тит дэпки коетнэ туркучэпти як бисни? (нөлтэн)*. 'Оно очень любимое, но смотреть прямо на него невозможно, что это? (солнце)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй дялби эриниддэн бонкинги, ибдири-дук-тэ бэйдук нонган бинни, тадук ибдири; нонган билэ-кэн дюганиду тэтий эти нукра (бонкэтэ бокал)*. 'Неизвестный человек родичей своих зовет, кривой, он от неизвестного человека неизвестный; тот, у кого он живет, летом свою одежду не снимает (кривая кедровая шишка)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй — нонган мэлу-мэчилэн, кувунни-да бинни, нонган бэйди мэнти, ясан-дан-да эгден (хагданкин)*. 'Неизвестный человек — искусный прыгун, у него скобель-кувун есть, сам он серый, глаза у него большие (белка-летяга)' (Э. Ф.). *Бакли ибдириив бэю, энтэкэе энгэев. Нонган орарни кубэтлин боргаснитан (атикикан, осикатал-да)*. 'Найди неизвестного человека, очень богатого. Его олени везде разбрелись (месяц и звезды)' (Э. Ф.).

Однако эвепское местоимение **нонган** не может быть полным заместителем имени — заменять любое существительное в любых формах, как, например, русское он (она, оно). В этом отношении диапазон значений данного местоимения несколько уже, чем у указательного местоимения **тарак** 'тот'.

Мн. ч. персоналии 3-го л. образуется при помощи суффикса собственно множественности *-р* и, как принято считать, показателя притяжания 3-го л. мн. ч. *-тан*: **нонгартан** 'они'. По типу персонального дейксиса данное местоимение имеет более широкий круг функций. Оно охватывает собственно личный, предметный, неанафорический, анафорический и обобщенно-личный дейксис.

Личные местоимения в эвенском языке имеют полную парадигму склонения (см. Прил. табл. 7), однако в некоторых говорах (догдо-чебогалахском, аллаиховском, томпонском) отмечено отсутствие форм направительно-местного и направительно-продольного падежей. Личные местоимения могут принимать и различные суффиксы субъективной оценки, уменьшительные: *-кан/-кэн*, *-какан/-кэкэн*, *-якан/-екэн*, *-чакан/-чэкэн*, увеличительный суффикс *-ндя*, ограничительный *-ткан/-ткэн*. Например: *Би-ткэн хинтэки нюндуку бокми-бокандьинди, эми-этэнди*. 'Если только я укажу тебе дорогу, догонишь, нет — так нет' (Алл.). Исследователи традиционно указывают принятие личными местоимениями уподобительной формы с показателем *-гачин/-гичин* (*Эрэк куна нонгаргичин* 'Этот ребенок на них похож').

Относительно диалектных особенностей личных местоимений следует отметить, что в говорах эвенков Якутии (за исключением березовского говора и некоторых групп эвенков Оймяконья, в языке эвенков Аллаихи, Нижней Колымы, Верхней Колымы, Кобья, Саккырыра, Усть-Янья, Томпо, Момы) отсутствует так называемая исключительная форма местоимения 1-го л. мн. ч. *бу* 'мы (без вас)'. При описании западных говоров отмечалось, что личные местоимения могут употребляться в роли притяжательных местоимений.

По своим синтаксическим функциям личные местоимения сопоставимы с именами существительными, т.е. выступают в предложении преимущественно в роли подлежащего, сказуемого и дополнения: *Төр эмнэ, би хөнтэли хотарандули нэндим*. 'Земля широкая, я по другой дороге пойду'. *Нонганюни аканни нян матакан эмэргэритэн*. 'Вместе с ним его брат и зять возвратились'. *Хин гяс — нонан*. 'Твой друг — он'. При рассмотрении синтаксических особенностей личных местоимений обращает на себя внимание употребление их в речи с различными частицами (типа *би-дэ*, *нонартан-дамар* и т.п.). Важно заметить, что подобные примеры семантически восходят к роли определенных конкретно взятых частиц (см. [Белолобская, 1996]).

Употребление личных местоимений в эвенском языке диктуется закономерностями, связанными с ситуацией речи и различными комбинациями, которые определяют построение дейктических и анафорических структур.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Как известно, в эвенском языке притяжательные местоимения имеют значение указания на лицо, чем они близки к личным местоимениям и некоторые из них совпадают с личными местоимениями, что неоспоримо говорит о том, что их происхождение восходит от последних. Однако посессивы не являются простыми аналогами личных местоимений, кроме указания на лицо они несут семантику других отношений — обладания, принадлежности, имеют дифференцирующую функцию, поэтому выполняют существенную роль для смысла высказывания и в организации внутритекстовых связей.

Посессивные конструкции в эвенском языке еще недостаточно изучены. Здесь обращает на себя внимание как бы двойная семантическая «накладка» морфологических элементов, актуализирующих посессивность и их возможное частичное усечение без влияния на семантику.

Посессивные конструкции, включающие притяжательные местоимения, можно подразделить по семантике на следующие типы:

1. Посессивная группа, характеризующаяся сочетанием краткой формы лично-притяжательного местоимения с существительным, оформляемым лично-притяжательным суффиксом, обозначающим какой-либо предмет или лицо. В данном случае местоимение занимает препозиционное положение и не изменяется: *мин орму* 'мой олень', *хин оранси* 'твой олень', *чоган оранни* 'его олень' и др. Примеры: *Учикан бэйчин төрэснэн*: «*Аич долчили мин гөниву, эди илкир ч ойдукув*». 'Верховой олень (его) по-человечьи зарыл: «Хорошо слушай мою речь, не слезай с я (досл. с моего верха)»' (Н.). *Мут окатангат ач*

хэрлэ алик бисни (муликич). 'У нашей реки бездонный ушат есть (прорубь)' (Э. Ф.).

2. Посессивная группа, включающая полную форму лично-притяжательного местоимения и существительное с лично-притяжательным суффиксом. Полные формы лично-притяжательных местоимений в данной конструкции могут иметь падежные суффиксы и изменяться по числам. Возможно и довольно регулярное усечение конструкции: в определенной диалогической речи может употребляться только первая часть и в других случаях только существительное с лично-притяжательным суффиксом. Примеры: — *Ни авунни?* — *Минки*. '— Чья шапка? — Моя'. — *Эрж ни мавутан дэсчин?* — *Ногаргитан*. '— Это чей аркан лежит? — Ихний'. *Опо хингив ормус гадин*. 'Афоня твоего оленя возьмет'. *Би нокнидин учикач эмрив*. 'Я на его олене приехала'. *Мингилдун нэлдули дебэм*. 'Моим неси еду'. *Муткигич аич исни*. 'От нас лучше видно'.

3. Посессивная группа, включающая возвратно-притяжательные местоимения мэн 'свой' (принадлежность одному лицу), мэр 'свой' (принадлежность многим лицам), мэнгий 'свой' (об одном предмете, принадлежащем одному лицу), мэргивур (об одном предмете, принадлежащем многим), мэнгилби (о многих предметах, принадлежащих одному лицу), мэргилбур (о многих предметах, принадлежащих многим лицам). Примеры: *Дөр ибдирил бэйл аканун хонкэчэн тэриндун бис*. Мэр доли эстэн хаманра, ок-та эчил көемэттэ (коритал). 'Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели (уши)' (Э. Ф.). *Дөр кяганги мэн мэнуур дэнки көемэтникэн илатта, усу (киримки)*. 'Два медведя друг против друга стоят, друг на друга смотрят, так говорят (брови)'. *Дөр ибдири бэй аканун хонкэчэн тэриндун бисни*. Мэр доли эстэн хаматта (корит). 'Два загадочных человека — брата по сторонам сопки живут. Друг друга не знают (уши)' (Э. Ф.). *Атикан Коикэ мэнгиды муну иргэтин, хөнтэкич*. 'Бабушка Коикэ по-своему нас воспитывала, по-другому' (Ам.). *Нивэкэл навун дюлан нимэгэлрэ — чэлэдун хэбдэнь бисин Михаил хөнтэвэн ою көеттэвур, дол-*

чидавур-да, он нонган нючилнюн экич унур енкэч нонгэрин, мэнгилнюмур-дэ тачин-да эвэдич. 'Соседи в дом вдовы загостили — всем интересно было на другую одежду Михаила посмотреть, послушать, как он с русским на непонятном языке разговаривает, а со своими же в то же время по-эвенски' (Ам.). *Поезд энтукукэн илачинмайдукин хөррэн: тек мэнгилби елтэннэв.* 'Поезд тихонько со своей стоянки пошел: сейчас должны проехать моих' (Шол.). *Мэнгилдук дукарбу адыракан бакрив.* 'От своих письма несколько раз получал'.

В некоторых западных говорах (например, в аллайховском, томпонском) иногда в посессивных конструкциях отсутствуют притяжательные формы личных местоимений. Например: *Тар хи далси Куламагич эмчэл. Багар, би-дэ кягав эмчэ бидин, Эрбэткэн гэрбэ этикэн.* 'Те твои предки со стороны Колымы прибыли. Может, и мой дед прибыл, старик по имени Эрбэткэн'. *Буюн, минтэки укчэнни-дэ аканһи би нандавһуһив илэ дэйрин?* 'Буюн, расскажи-ка мне, куда спрятал мою лебяжью шкуру твой старший брат?' (Алл.). *Дялбу, би гоһику ачча онга одни, һоч нимэм нимтэмпэн, боридиһ-ку көчүкэн нимэм?* 'Родственники, моя жена умирает, хочется ей кровь поесть, не дадите ли маленько крови?' (Томп.).

Лично-притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения имеют полную парадигму склонения (табл. 1).

Особого внимания заслуживают посессивные формы имен существительных, прилагательных и числительных, однако данный вопрос выходит за рамки нашего исследования (некоторые грамматические особенности указанного явления приводятся в табл. 1—5 Прил.).

Из приведенного видно, что эвенские притяжательные местоимения в грамматическом плане выступают как самостоятельный разряд со своими специфическими чертами (формы множественности, парадигма склонения). Употребляясь анафорически, т.е. указывая на предмет, упомянутый раньше или известный собеседнику, в синтаксическом плане эвен-

Склонение возвратно-притяжательных местоимений

Падеж	мэнгий 'свой (одного)'	мэргивур 'свой (многих)'
Имен.	—	—
Вин.	<i>мэнгий</i>	<i>мэргивур</i>
Дат.	<i>мэнгиды</i>	<i>мэргидюр</i>
Направ.	<i>мэнгиткий</i>	<i>мэргиткивур</i>
Мест.	<i>мэнгилэй</i>	<i>мэргилэвур</i>
Прод.	<i>мэнгилий</i>	<i>мэргиливур</i>
Направ.-мест.	<i>мэнгиклэй</i>	<i>мэргиклэвур</i>
Направ.-прод.	<i>мэнгиклий</i>	<i>мэргиклиевур</i>
Отлож.	<i>мэнгидукий</i>	<i>мэргидукур</i>
Исход.	<i>мэнгигидий</i>	<i>мэргигидюр</i>
Твор.	<i>мэнгидий</i>	<i>мэргидюр</i>
Совмест.	<i>мэнгинюми</i>	<i>мэргинюмур</i>
Падеж	мэнгилби 'своих (одного)'	мэргилбур 'своих (многих)'
Имен.	—	—
Вин.	<i>мэнгилби</i>	<i>мэргилбур</i>
Дат.	<i>мэнгилды</i>	<i>мэргилдюр</i>
Направ.	<i>мэнгилтэкий</i>	<i>мэргилтэкивур</i>
Мест.	<i>мэнгилдулэй</i>	<i>мэргилдулэвур</i>
Прод.	<i>мэнгилдулий</i>	<i>мэргилдулиевур</i>
Направ.-мест.	<i>мэнгилэклэй</i>	<i>мэргилэклэвур</i>
Направ.-прод.	<i>мэнгилэклий</i>	<i>мэргилэклиевур</i>
Отлож.	<i>мэнгилдукий</i>	<i>мэргилдукур</i>
Исход.	<i>мэнгилгидий</i>	<i>мэргилгидюр</i>
Твор.	<i>мэнгилдий</i>	<i>мэргилдюр</i>
Совмест.	<i>мэнгилнюми</i>	<i>мэргилнюмур</i>

ские краткие лично-притяжательные местоимения выполняют в основном роль определения при подлежащем (*Мин часу эмрэн*. 'Мой час настал'. *Би — хин аманси*. 'Я — твой отец' (Шол.)), возвратно-притяжательные местоимения — дополнения (*Дөр нөтэл омэтту тугуникэн, мэн мэнур эстэн итмэткэрэр, усу* (ясал, коритал). 'Два брата вместе родившихся, друг друга не видят, так говорят (глаза и уши)' (Э. Ф.)), в дейктической функции полные формы лично-притяжательных местоимений выступают в качестве сказуемого (*Есчимэчэклэ мут дабдуканди, теми-дэ премия — мут ки*. 'На соревнованиях мы победим, поэтому премия — наша').

Эвенские посессивы имеют двойную смысловую нагрузку: указывая только на определенное лицо, они несут и выражение принадлежности.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

«Указательные местоимения (демонстративы) представляют собой основной способ оформления анафорических связей и дейктического указания» [Вольф, 1974, с. 115]. По семантике данный разряд местоимений как бы выделяет любой предмет из ряда подобных. Указательные местоимения в эвенском языке способны заменять не только отдельные слова, но и целые фрагменты высказывания. Их отличительная особенность — способность указывать на близость/дальность референта. Эвенские указательные местоимения, выполняя собственно-указательную функцию, обозначают предмет, явление или конкретное лицо. В последнем случае значение указательного местоимения соотносится с функцией личного местоимения *ноҕан*.

Примеры: *Аситки бэй гонни: «Хину би туркурив-уси бакна. Ядук элэ илан анган елтэнэкэн бакунри?» Тарак барагран...* 'Человек женщине говорит: «Я тебя не мог найти. Откуда (букв. с чего) здесь спустя три года ты нашлась? Та отвечает...' *Тарак Уналчан илэ бисни?* 'Где находится та Кедровка?' *Би эрэв бэйу эду алаттаку.* 'Я этого человека здесь буду ждать'. *Тарак дю тулгидэлэн өмэн аси илаттан.* 'Возле той юрты женщина стоит'. *Гэлэ, — гөнни хуличан, — эргидэлэ эгден окат бисни, таду буюн хоя биеэттэн.* 'Ну-ка, — сказал лис, — здесь есть большая река, там постоянно бывает много диких оленей' (Э. Н.). *Кунтэк ойдэлин исагла дылган нэнрэн, провадилдули туттэн — элэ гөндин, тала долдадин (телефон).* 'Над сопками в лесу голос идет, бежит по проводам, здесь кто-нибудь скажет, там кто-нибудь услышит (телефон)' (Э. Ф.).

При дейктическом употреблении демонстративы как бы выделяют данный предмет или действие из ряда однородных, например: *Эр-кэ эр, тибаддан учуку депчэ гиркари, иэктэрэли!* 'Вот тот самый волк, который задавил моего верхового оленя, стреляй же!'

(Бер.). *Хэ-хэ, эр эмрэн атикалбанна бэй, бөлрэ нонан-дун нажив пэктэрудэн!* 'Ха-ха, вот пришел жених, дайте ему лук, чтоб он выстрелил!' (Н.).

В дейктической роли данные местоимения по признаку субъективной ориентации могут указывать на близость или на отдаленность предметов. В речевой практике данные слова применяют для обозначения предмета, находящегося на определенном расстоянии от говорящего: *Та-ар, тар амкачан хэйелэн як-та ичун.* 'Вон там на вершине горы что-то показалось' (Бер.). Причем имеются в виду как пространственные, так и временные рамки. Так, при повествовании информантами фольклорных и иных сюжетов часто используется указательное местоимение *тар* 'вот тот', обозначающий давность происходящих событий, например: *Эгдем дюв бакран. Тала ин.* 'Нашел большой чум. Вошел туда' (Эп.). *Тар анганилду эрэк институту эвэдыч хо аич хари ученай В.И. Цинциус гургэвчиччэ бисин.* 'В те годы в этом институте работала очень хорошо знавшая эвенский язык ученый В.И. Цинциус' (Т.К.).

<i>Тар горан елтэнчэ</i>		'В ту давнюю прошлую
	<i>биниду,</i>	бытность
<i>Верхоян хигилин кадарлин,</i>		В Верхоянской горной тайге
<i>Навталкан, хунгэлкэн</i>		В ягельной, ветреной
	<i>молалин</i>	тундре
<i>Хялталкан, хокчилкан</i>		По морозной и по знойной
	<i>хигилин</i>	тайге
<i>Оралкан эвеннюн нулгэрин.</i>		Оленные эвены кочевали' (Эд.).

Другой важной ролью демонстративов является анафорическая функция — указание упомянутого, известного. Как было отмечено выше, местоимения выполняют и роль субститутов — слов-заместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты предыдущего текста, описанное обстоятельство, событие и т.д. В данном случае семантическое содержание местоимений значительно шире, чем при выполнении узко-специальной дейктической функции. Приводимые ниже примеры иллюстрируют употребление указательного местоимения *тарак* в анафорической функции.

Примеры: *Тачин икэснидюр, надан хусиндья, энчэн дор, амаски мучучал.* 'Так пропев, семеро лебедей, не садясь (на землю), обратно вернулись' (Алл.). *Нямнимнин аси хяруктун хэпкэнни. Тарич хэрүкэлкэкэн тикрэн, оран ойдун хэрүкэндөвэн таниди.* 'Продолжая скакать, за суму женщины ухватился. Вместе с той сумой упал, стянув суму с оленя' (Эп.). *Эникэн ичур анусадды бисни. Тарак як бичэ бидин? (эдэн).* 'Невидимый, а все время толкается. Это что такое будет? (ветер)' (Э. Ф.). *Бэйду көчүкэр дөр бэй бисни. Тарал бэйл эрэгэр инивур чоптэрэ есчимэчиддэ (бөдэл).* 'У человека два маленьких человека имеется. Те люди всегда, всю свою жизнь соревнуются (ноги)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй хэлэлкэн, тарич хэлэч, яв-да наданан одакан, хикүтич дебдин (чэгэч).* 'Неизвестный человек железо имеет, тем железом, когда ему что-нибудь понадобится, тихонечко съест (удочка с железным крючком)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй биддэн. Оин эйду хутаня. Эмдэн гилтаня, ач хилтала, ач тэпкэлэ. Мов-тэкэн дептэн. Тарак онаталкан. Хиран мов. Тарав хонтэл бэйл дептэ (кубэкэ).* 'Загадочный человек живет. Одежда его вся красная. Внутренности его белые, без кишок, без желудка. Он только воду ест. Нос у него есть. Выдыхает воду. Ее другие люди едят (чайник)' (Э. Ф.). *Дептэкэн, эсни манупта бисни, усу. Тавур як? Тавур муран остуганни.* 'Когда его едят, никогда не кончается, так говорят. Что это? Это лошадиные удила'. *Ибдири аси өмэн-дэ бөдэлэн бинни, тар дялдулай ибдирилдунэ асалдула эрэглэ-тэттэ нокуттан, инив-ул чоптэрэ тала биситэн (өивун).* 'У неизвестной женщины одна нога, она за нее к другим неизвестным женщинам навсегда привешена, они всю жизнь там были (серьга)' (Э. Ф.). *Иланмяр долбани очалан, хункэ эмнэн. Тарак амардадун накита эмнэн.* 'Когда наступила тридцатая ночь, ветер задул. После того медведь пришел' (Эп.).

Как видно из приведенного, в эвенском языке при субстантивации демонстративов отмечается их широкое употребление во всех формах косвенных падежей (подробнее см. Прил. табл. 8). Дейктический ряд эвенских местоимений представлен не только

первичными формами (указательные местоимения могут принимать кроме падежных суффиксов формы субъективной оценки), но и формами множественного числа и принадлежности.

Примеры: *Хэнкуни бими гякчанги онатван хэлий хинюттан, таранги гадни*. 'Хэнкуни же ястребиный клюв из кармана своего вытащил, тот (свой) взял' (Эп.).

<i>Таранур тарканду хигридюр,</i>	'О том своем так, молча
<i>Гулумур нэнэди гуллидюр,</i>	Костер свой, молясь,
	разожгли
<i>Аикеч тогчамур уличэл,</i>	Хорошенько огонь свой
	накормили,
<i>Дялукан бэиттэн-дэ депчэл.</i>	Досыта и люди наелись' (Эд.).

Эвенские указательные местоимения в предложении могут употребляться в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства в форме локальных падежей.

В поэтическом повествовании можно отметить демонстративы в анамнестической (предваряющей) функции. Например:

<i>Бэкэчин эр бисин,</i>	'Все это было,
<i>Бэилнюн эр бисин,</i>	С людьми это было,
<i>Нян айдит эр бисин,</i>	И это действительно было
<i>Оралнюн эр бисин.</i>	С оленями это было.
<i>Бинилэ эр бисин.</i>	В жизни это было' (Эд.).

Однако предваряющая функция для эвенских указательных местоимений менее характерна.

При рассмотрении синтаксической роли личных местоимений мы несколько поверхностно отмечали связь местоимений со служебными словами. Нельзя обойти вниманием употребление различных форм *тар* как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями в качестве союзных слов. Примеры: *Тарапгук хоя мө эенни, хоя ангани елтэнни*. 'С тех пор много воды утекло, много лет прошло'. *Тар-та бими, эвэсэл уямкам одяритан*. 'Но несмотря ни на что эвены берегли горного барана'. *Хину хэвки нюнчэн хин тачимур бидэс, теми-дэ хөрсөли эрнюн арисагнюн*. 'Тебе бог велел, чтобы так с тобой было, стало быть, поезжай пока с этим чертом' (Н.).

Таракам хи яв нектэй стадала эмрис? 'Тогда зачем (досл. что делать) ты в стадо приехал?' Тарапгук эн-кэчэн Одиссей гэрбэ один. 'С тех пор теленка лося называли Одиссеем'. Теми-гу уямкан тачикан нэлэлчэ бичэ. 'Кажется поэтому и был такой испуганный горный баран' (Кр.).

Таким образом, эвенские указательные местоимения широко употребляются как средства выражения логической связи между самостоятельными предложениями.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

По семантике детерминативы являются идентифицирующими показателями. В собственно дейксисе определительные местоимения указывают на референт, идентифицированный ситуацией, т.е. детерминативы определяют лицо или предмет через признак, свойство, количество, сравнивая с уже известным. В эвенском языке определительные местоимения можно подразделить на несколько семантических групп.

Первая группа детерминативов — качественные определительные местоимения — указывает на качественную характеристику предмета, лица или явления. Подразделяются на три подгруппы.

а) Местоимения, образованные при помощи суффиксов *-рочин/-рочир*: *эррочин* 'такой, как этот', *таррочин* 'такой же, как тот', *эррочир* 'такие же, как этот', *таррочир* 'такие же, как тот'. Объектом их указания является свойство, качество лица, предмета или действия. Примеры: 1. *Ибдирил бэйл хуклэр кадагмаканду тэриннэн, эррочинни чилэнел, кучуду хуклэр, буюн нонни тачикан-да этил хуптур, эрэглэ энни-дэ иллотта (новкал)*. 'Неизвестные люди спят прямо среди скал по разные стороны, такие вот черные, в спальном мешке спят; дикий олень бежит, они от него не отстают, и никогда не останавливаются (щетки под копытом оленя)' (Э. Ф.). 2. *Төллэ нөриди, көөттэкэн: эрэли ями урэкчэр инкатач дасуттигчин ичуриган. Таррочин орантан хоя бисин*. 'Выйдя наружу видит: вокруг горы смотрятся, будто покрыты шерстью. Так много

олений у них было' (Н.). 3. Таррочин *мэргэлкэн кэнэд-ми, иттэнэ хояке оралбу*. 'С такими мыслями пока ехал, увидел множество оленей' (Эд.). 4. *Асаткан ойган хо ноду хананритан, ги-дэ эч таррочим иттэ*. 'Девушке сшили очень красивую одежду, такую еще никто не видел' (Н.).

Приведенные детерминативы при дейктическом употреблении указывают на близость/дальность референта. Примеры 2, 3, 4 иллюстрируют употребление определительного местоимения в анафорической функции (табл. 2).

Первая группа детерминативов по морфологическим признакам аналогична с указательными, из которых образована. Они имеют форму падежа, числа, принадлежности и субъективной оценки.

б) Местоимения, образованные посредством суффиксов *-кэн/-кэр*: *мэнкэн* 'сам', *мэнкэр* 'сами' и слова *бэйди* 'сам'. Приведенные детерминативы имеют лично-выделительное значение, указывая на участие в произведении действия производителя. Например: *Бэйди гилси, бэйду хөкси (ичик орт)*. 'Сам холодный, а для человека горячий (крапива)' (Э. Ф.). *Бэйди эч хар, он-да, ок-та чилкарий*. 'Сама не заметила (букв. не знает), как, когда придавила' (Н.). *Хөнтэч он-да экич*

Таблица 2

Парадигма склонения определительных местоимений

Падежи	<i>эррочин</i> 'такой, как этот'	<i>таррочин</i> 'такой же, как тот'	<i>эррочир</i> 'такие же, как эти'	<i>таррочир</i> 'такие же, как те'
Имен.	<i>эррочин</i>	<i>таррочин</i>	<i>эррочир</i>	<i>таррочир</i>
Вин.	<i>эррочим</i>	<i>таррочим</i>	<i>эррочирбу</i>	<i>таррочирбу</i>
Дат.	<i>эррочинду</i>	<i>таррочинду</i>	<i>эррочирду</i>	<i>таррочирду</i>
Направ.	<i>эррочинтаки</i>	<i>таррочинтаки</i>	<i>эррочиртэки</i>	<i>таррочиртаки</i>
Мест.	<i>эррочиндулэ</i>	<i>таррочиндула</i>	<i>эррочирдулэ</i>	<i>таррочирдулэ</i>
Прод.	<i>эррочиндули</i>	<i>таррочиндули</i>	<i>эррочирдули</i>	<i>таррочирдули</i>
Направ.- мест.	<i>эррочиклэ</i>	<i>таррочиклэ</i>	<i>эррочирэклэ</i>	<i>таррочиракла</i>
Направ.- прод.	<i>эррочикли</i>	<i>таррочикли</i>	<i>эррочирэкли</i>	<i>таррочиракли</i>
Отлож.	<i>эррочиндук</i>	<i>таррочиндук</i>	<i>эррочирдук</i>	<i>таррочирдук</i>
Исход.	<i>эррочингич</i>	<i>таррочигич</i>	<i>эррочиргич</i>	<i>таррочиргич</i>
Твор.	<i>эррочинь</i>	<i>таррочинь</i>	<i>эррочирди</i>	<i>таррочирди</i>
Совмест.	<i>эррочинюн</i>	<i>таррочинюн</i>	<i>эррочирнюн</i>	<i>таррочирнюн</i>

некэн, хи бэйди ханри тараву. 'Другого выхода нет, ты сам это знаешь' (Н.).

Местоимения мэнкэн/мэркэр имеют только форму числа. Местоимение же бэйди может принимать некоторые падежные формы по лично-притяжательному типу склонения (табл. 3).

Как видно из табл. 3, слово бэйди не имеет форм винительного, продолжного, направительно-местного, направительно-продольного, исходного, творительного, совместного падежей.

в) Детерминативные слова хэнтэ 'другой, чужой', гя 'другой, иной'.

<i>Таркур хэнкэсэч хамгиччал,</i>	Того (своего) дымом
<i>Гуд төрду одями нокуччал,</i>	освяшали, На высоком месте держать
<i>Хэнтэду эникэн хумдивкэн.</i>	старались, Чтоб чужому не дать над ним пройти (Эд.).

Тар гя чукачан гяткий гөнни: «Чукачан, мө колдаку мөлэли, чи-ни!» 'Вот одна птичка говорит другой (своей): «Птичка, сходи за водой, чтобы мне попить!»'

Вторая группа — количественные определительные местоимения с семантикой указания на количественную характеристику — величину или определенную меру или степень свойства. Представлены двумя подгруппами.

Таблица 3

Склонение определительного местоимения бэйди 'сам, самц'

Падеж	1-е л. ед. ч.	2-е л. ед. ч.	3-е л. ед. ч.
Имен.	<i>би бэйди</i>	<i>хи бэйди</i>	<i>ноган бэйди</i>
Дат.	<i>бэйдуву</i>	<i>бэйдус</i>	<i>бэйдун</i>
Направ.	<i>бэйтэкив</i>	<i>бэйтэкис</i>	<i>бэйтэкин</i>
Мест.	<i>бэйлэв</i>	<i>бэйлэс</i>	<i>бэйлэн</i>
Отлож.	<i>бэйдукэв</i>	<i>бэйдукэс</i>	<i>бэйдукэн</i>
Падеж	1-е л. мн. ч.	2-е л. мн. ч.	3-е л. мн. ч.
Имен.	<i>мут бэйди</i>	<i>ху бэйди</i>	<i>ногартан бэйди</i>
Дат.	<i>бэйдут</i>	<i>бэйдусэн</i>	<i>бэйдутэн</i>
Направ.	<i>бэйтэжит</i>	<i>бэйтэкисэн</i>	<i>бэйтэжитни</i>
Мест.	<i>бэйлэт</i>	<i>бэйлэсэн</i>	<i>бэйлэтэн</i>
Отлож.	<i>бэйдукэт</i>	<i>бэйдукэсэн</i>	<i>бэйдукэтэн</i>

а) Местоимения, образующиеся при помощи суффикса *-дин*: *эрдин* 'такой же, как этот', *тардин* 'такой же, как тот', имеют значение указания на количественный признак предмета, степень свойства — на равнозначность по длине, высоте, ширине, объему, причем данные местоимения разграничиваются и по типам указания (имеется в виду близость/удаленность). Примеры: *О, эрдин хоя бэйл ядавур чакаптитан гякитандук төрдук*. 'О, вот сколько много людей собралось из разных земель' (Н.).

б) Детерминативные слова *эйду* 'весь, все', *чэлэ*, *чэлэн* 'весь', *кубэч* 'целый, весь', *бэкэч* 'полностью, весь, целый', *хан* 'некоторый, часть', *хоя* 'много', *абал*, *адыкун* 'мало'. В данном ряду слова *эйду*, *чэлэ*, *кубэч* и *бэкэч* характеризуют полноту охвата какой-либо совокупности или множества лиц, предметов и явлений. Детерминативы *хан*, *хоя*, *абал*, *адыкун* указывают на определенный количественный признак — некоторую часть совокупности или множества предметов, лиц, свойств, качеств и явлений.

Примеры: *Яв-да кубэччөн эмнин хуптур, ач хотана денидды биддэн (хинян)*. 'Ни от кого не отставая, живет, повторяя без ошибок (тень)' (Э. Ф.). *Өмэн дү долан ач муднач хоял урэчилди ойлаттил гургэмэр нимэкэл биддэ (этэргэр)*. 'В одном доме живет множество трудолюбивых соседей, носящих одинаковые одежды (муравьи)' (Э. Ф.). *Ибдири дэгичэн анганакан өмэн-нюн аткикан, деплэн инмэчэнди-нюн бакран, инмэчэнди кубэччөн имкаттан, исагдук илбэттэн (куличан)*. 'Неизвестный, летающий в году лишь один месяц, пищу себе своей иголкой находит, своей иголкой во всех целится, из леса прогоняет (комар)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй-нен хикутич онялан нэлэм; хэрэвэттэн, тек тугэниду инэмуттэн, дюганиду илран, эйду хулралкан, хэрэдеклий хуклэн (икри)*. 'Неизвестный человек хороший рисовальщик; вышивает сейчас, зимой замерзает, летом просыпается, у него много одеял, там, где вышивает, спит (червь-короед)' (Э. Ф.). *Нямач тэшилэттэн, чэлэн тэшилни ач имэнрулэ бис (капуста)*. 'Сто одежек и все без застежек (капуста)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй — дөрмер ибдирил асаткар, эйду мэрэтил*

(остал). 'Неизвестный человек — двадцать неизвестных девушек, все круглые (ногти)' (Э. Ф.). *Эгден дю, окошко хоя, имэй бисни, экич нер (адал)*. 'Дом большой, окон много, есть куда войти, а выйти некуда (сеть)' (Э. Ф.). *Уркэн хоя, тарбач-та экич нер (адал)*. 'Дверей много, а выйти нельзя (сеть)' (Э. Ф.). *Мөлз ач дола ивэттэн, мөдук хояч кунминди неветтэн (адал)*. 'В воду лезет пустой, а из воды выходит с целой семьей (сеть)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй өмэн ясалан, тар бими, эйду тэдукэнни, унив-ул бэю (инмэ)*. 'У неизвестного человека один глаз, но хотя и так, он всех одевает, всех живущих людей (игла)' (Э. Ф.).

Детерминативное слово бэкэч 'полностью, весь, целый' в ранних грамматических работах не рассматривалось в его морфологических вариантах. В.И. Цинциус не останавливалась на нем подробно (возможно, в восточных говорах оно отсутствует). Только В.Д. Лебедев при описании догдо-чебогалахского говора отмечал, что данное слово «может принимать падежные и притяжательные суффиксы, а также суффиксы увеличительные и уменьшительные» [1978, с. 79]. Можно прийти к следующему заключению.

Слово бэкэч, бэкэчин присутствует в следующих говорах: ольском, алаиховском, момском, пенжинском, томпонском, арманском, охотском, саккырырском [Сравнительный словарь, 1975, с. 123].

В языке кобайских эвенов (как и в догдо-чебогалахском говоре) обнаруживаются некоторые формы падежей данного слова в притяжательном склонении (здесь и далее приводится в качестве иллюстрации поэма Василия Баргачана «Эдек»): *Бэкэчин эр бисин*. 'Все это было' (бэкэчин, бэкэччин — лично-притяжательная форма 3-го л. ед. ч.). *Хи яддай бэкэлэч дэсинни, Дюли-гу энуттэй некэнни?* 'Почему ты полежи-заешь, Предугадываешь ли свое будущее' (бэкэлэч — творительный падеж простого склонения). *Бэкэчут эрэгэр хукуттэн, Ай бисив бэкэтвэн одядат*. 'Всех всегда учит, Хорошее всем делать' (бэкэчут — винительный падеж лично-притяжательного склонения, 1-е л. мн. ч., бэкэтвэн — винительный падеж по типу лично-притяжательного склонения, 3-е л. ед. ч.). *Тачиннюн бисэ-*

кэн бэкэччур хэлтэди икэвур, ханявур. 'Так живя, мы будем хранить свой дух' (бэкэччур — безлично-притяжательная форма винительного падежа).

Описывая охотский говор, В.Д. Лебедев отмечает: «Определительное местоимение чэлэ может иметь падежное и притяжательное оформление» [1982, с. 68]: чэлэн, чэлэвэн, чэлэдукэтни, чэлэди, чэлэюр. Данный тезис подтверждается и на материале тенькинского говора: *Тарак чэлэвэн дедану тачин-та тэгэнмэй хэрдэлэн хинрам нян өмнэкэн-тэ дэриснэм*. 'Так вот все вещи под сиденьем спрятал и однажды предпринял побег' (Шол.).

Во всех изданных ранее грамматических очерках и исследованиях по диалектам эвенского языка слово эйду отмечалось как неизменяемое (см.: [Цинциус, 1947, с. 151; Лебедев, 1982, с. 68; Роббек, 1989, с. 127]). По нашим данным местоимение эйду может изменяться. Так, текст Евангелия от Луки носитель ольского диалекта (гижигинский говор) Вера Семеновна Элрика перевела таким образом: *Таракам тэгэмэр Август Рим эйдулин торэнлин бэю танум овкандатан итум итурин*. 'В те дни царь Август по всей Римской земле перепись (досл. счет людей) сделать повелел'. *Теми эйдучэндюр бисил бэйл бэйтэн мэн билэктэкивур тагадыаки хөрритэн*. 'Поэтому все живущие люди каждый в свой город на перепись пошли'. *Иисус эйдүвэн алимрин, эйдүдун Хэвки Тэгэмэрэддывэн тэлэнрин, бутэнрилбу-дэ эйдүвэн бэгдэттин, айрин*. 'Иисус всех принял, рассказывал всем о Царствии Божьем, больных всех излечил, выручил' (Л. Е.).

Такое же положение обнаружено и в березовском говоре: *Нонандулан өмнин хутэн асаткан бисин, эйдүркин хөнтэкни нод, мэргэч*. 'У него единственный ребенок — девочка была, всех других красивее, умнее'. *Нөлтэк оран гөнчэгчинни эйдүвэн некрин*. 'Нөлтэк сделала все так, как сказал олень'. *Эрэли мэритникэн, няинтаки коетникэн, эйдүдин энгиди хонрин*. 'Оглядываясь кругом, смотрел на небо и рубил со всех сил'. *Оран хэссэки одянин, нян эйдун бэйди ичулрэн*. 'Олень все снижался, потом весь сам целиком показался' (Н.).

Следовательно, в говорах восточного наречия местоимение *эйду* 'все, весь' имеет притяжательное склонение и довольно регулярно принимает формы падежей.

Склоняется местоимение *эйду* как существительное, оканчивающееся на гласный звук по типу лично-притяжательного склонения (форма 3-го л. ед. ч.):

Падеж		
Имен.	<i>эйдун</i>	все (его)
Вин.	<i>эйдувэн</i>	всех (его)
Дат.	<i>эйдудун</i>	всем (его)
Направ.	<i>эйдуткин</i>	ко всем (его)
Мест.	<i>эйду-лэ-н</i>	во всех (его)
Прод.	<i>эйдулин</i>	по всем (его)
Отлож.	<i>эйдудукун</i>	от всего (его)
Твор.	<i>эйдудин</i>	всем (его)
Совмест.	<i>эйду-нюн-ни</i>	со всеми (его)

В речевой практике нами не зафиксировано форм направительно-местного, направительно-продольного и исходного падежей данного местоимения.

Встречаются не отмеченные в грамматических работах следующие формы: *эйду-чэн-дюр*, которая морфологически и семантически соотносима с безлично-притяжательной (возвратной) формой творительного падежа собирательных числительных *илнидюр*, *наданидюр* и др., обозначающих совокупность людей и других предметов, объединенных в одно целое; *эйдунгур* — относительно-притяжательная безличная форма мн. ч. (ср.: *олрангур* 'рыба многих').

Из изложенного вытекает, что определенное местоимение с количественным значением *эйду* принимает притяжательные формы и при этом имеет полную парадигму падежного склонения по лично-притяжательной форме. Возможны также и склонения по возвратно-притяжательной форме и форме относительного притяжания.

Вопрос о том, является ли данное положение функционально лексическим диалектизмом — исключением из стандарта литературного языка или нормативной морфологической особенностью некоторых говоров, требует уточнения, однако нельзя отрицать и функциональное бытование таких норм.

Итак, определительные местоимения имеют форму падежа, числа, принадлежности. По синтаксическим функциям определительные местоимения в предложениях выполняют роль подлежащего, сказуемого, определения и дополнения. Например: Хан *хурэлюн-мур эмрэ*. 'Некоторые пришли со своими детьми' (подлежащее). *Нонартан орантан хо абал*. 'У них оленей очень мало' (сказуемое). *Эррочинду инэнду тэвлидэй ай*. 'В такой день хорошо собирать ягоды' (определение). *Хупкучимнэт мутту хояв космос дюгулин тэ-лэнхоттин*. 'Наш учитель много нам рассказывал о космосе' (дополнение).

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ

Возвратное местоимение *мэни/мэрбур* 'самого себя/самих себя' в эвенском языке употребляется для усиления или подчеркивания указания на определенное лицо — говорящее, слушающее — участников речи или обозначаемой ситуации. Например: *Ниглидэ эсэм укчэнрэ, мэнтэкий өмэккэн энтукун төрэрэм*. 'Ни с кем не разговариваю, сама с собою одна потихоньку разговариваю' (Н.). *Би хонхоттам, экму Агапча хөррэкэн, мину-си эсэкэн мэнноми хэлбэттэ*. 'Я всегда плакала, когда сестра Агапча уходила и меня с собой не брала' (Ам.).

*Таридит амарла иттэкэн,
Эдекэн тарканду дэсчиддэн,
Мэниюн тар усич уттиди,*

'И так назад посмотрел,
Эдек там же лежит,
С собою того веревкой

Тобанкам налагган ориди.

обмотав,
Топор свой в руки взял' (Эд.).

Возвратное местоимение имеет морфологические категории числа, падежа (табл. 4).

По говорам возвратное местоимение имеет следующие отличия. В диалектах среднего и западного наречий вместо фиксируемой в восточном наречии *мэрбур* употребляется форма *мэнур*, например, в тенькинском говоре: *Кунгалбу аич мэнур дяваттитан*. 'Дети хорошо держались (досл. себя держали)'

Возвратное местоимение в речи часто принимает суффиксы субъективной оценки и включает части-

Парадигма склонения возвратного местоимения
мэни/мэрбур 'самого себя/самих себя'

Падёж	Ед. ч.	Мн. ч.
Имен.	—	—
Вин.	мэни	мэрбур
Дат.	мэндэ	мэрдур
Направ.	мэнтэй	мэртэйвур
Мест.	мэндулэй	мэрдулэвур
Прод.	мэндулий	мэрдулиевур
Направ.-мест.	мэнэклэй	мэрэклэвур
Направ.-прод.	мэнэклий	мэрэклиевур
Отлож.	мэндукий	мэрдужур
Исход.	мэнгидий	мэргидюр
Твор.	мэндий	мэрдюр
Совмест.	мэннүми	мэрнүмюр

цы, например: *Мэникикэн аич хариди, тачин төрэг-рэли*. 'Себя хорошо зная, так говори' (Бер.). *Нонартан чэлэр мэрдюр-тэкэн манруттитан. Делгэнкэв мадинри, мэнкэн дялутти бидинри, кукалби-да улигчинри — тачин нэлэм итка нулгэрил бинитэн гөнни*. 'Они все на самих себя только надеются. Убьешь зверя, сам сытый будешь, детей накормишь, — так говорит суровый закон кочевой жизни' (Ам.).

В синтаксическом отношении данные местоимения выступают прежде всего в позиции дополнений, выделяя и подчеркивая лицо-участника ситуации речи или лицо-участника обозначаемой ситуации.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Эвенские вопросительные местоимения по своей семантике неоднородны, они служат указателями предметов, лиц, качеств и явлений не в прямом варианте, а в вопросительном дейксисе. К ним относятся слова *ады* 'сколько', *ирочин* 'какой (по цвету)', *асун* 'какой (по величине)', *авут* 'который из них' и др. Наиболее употребительно местоимение *як* 'что', которое характеризует любые одушевленные и неодушевленные предметы, в отличие от *ни* 'кто', указывающего только на человека.

Примеры: *Мө-дэ бисиклэй мөлэ эти гөбэр як бисни?* (бокэс). 'Водой будучи, в воде не тонущее — что это? (лед)' (Э. Ф.). *Як тугэниду чоптэрэ дюдү хуклэвэттэн, нэлкэ дагамаддакан мяллоттан?* (накат). 'Кто всю зиму спит дома, с приближением весны просыпается? (медведь)' (Э. Ф.). *Як ингэньси тугэниду исагли дебэмси, хирри гиркаваттан?* (ненчак). 'Кто зимой холодной ходит злой, голодный?' (волк)' (Э. Ф.). *Як орандула балдаваттан?* (иргат). 'Кто на олене рождается? (овод)' (Э. Ф.). *Як экэ исагла эрэгэр хуидьдеттэн?* (Этэргэн дюн). 'Что за котел в тайге беспрерывно кипит? (муравейник)' (Э. Ф.).

Одного корня с данным местоимением является целая группа местоимений: ями 'почему', ялдывун 'для какого действия', ямга 'чем занимающийся', ядык 'что за место' и др. Примеры: *Кабяв ями делка-карбу нимжэвэттэн? Тарич нямалчиваттан.* 'Куропатка почему камешки глотает? Она так греется'. *Дөр бягандял есчимэчиддэ-дэ, авугатан-да эстэн дабдаватта (оран нондилан биси небати мэрэти).* 'Два месяца состязаются и ни один из них другому не уступает (у оленя на задних ногах белые пятна)' (Э. Ф.).

Местоимение ады 'сколько' употребляется только при количественной характеристике лиц, предметов и процессов.

Традиционно рассматриваются как вопросительные местоимения и определенные наречия и образованные от них вопросительные слова, например: *Ирэкнин хогдий ирроттан?* (хуличан). 'Какая собака свой хвост волочит? (лиса)' (Э. Ф.). *Ок бэйл эмэнь төрэн-дюр укчэнмэччоттэ?* (хулидур хонадми). 'Когда все люди одним языком говорят? (в детстве, когда плачут)' (Э. Ф.).

Морфологические признаки вопросительных местоимений исчерпываются категорией числа и падежа (см. Прил. табл. 9). Исключение составляет местоимение *як*, которое может принимать формы прямого и относительного притяжания и изменяется по падежам и по типу притяжательного склонения имен (табл. 5).

Таблица 5

Парадигма склонения местоимения як 'что'

Падж	яв 'что мос?'	яс 'что твое?'	ян 'что сто?'	ят 'что наше?'	ява 'что наше?'	ивн 'что их?'
Имен.	яв	яс	ян	ят	яван	ялн
Вин.	яв	явус	яван	явунт	явусан	явунан
Дат.	ядув	ядус	ядун	ядут	ядусан	ядутан
Направ.	яткив	яткис	яткин	яткит	яткисан	яткитан
Мест.	ялаб	ялас	ялан	ялат	яласан	ялатан
Прод.	ялив	ялис	ялин	ялит	ялисан	ялитан
Направ.-мест.	яклаб	яклас	яклан	яклат	якласан	яклатан
Направ.-прод.	яклив	яклис	яклин	яклит	яклицсан	яклицтан
Олож.	ядукув	ядукус	ядукун	ядукунт	ядукусан	ядукунтан
Исход.	ягидив	ягидис	ягидин	ягидит	ягидисан	ягидитан
Твор.	ядив	ядис	ядин	ядит	ядисан	ядитан
Совмест.	янюми	янюнси	янюнин	янюнит	янюнсан	янюнтан

Вопросительные местоимения в предложениях выполняют в основном роль подлежащих (*Як тала дэсчин?* 'Что там лежит?') и дополнений (*Яв гэлэнри?* 'Что ты хочешь?').

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Семантика данных местоимений заключается в указании на неопределенность, неизвестность лица, предмета, качества, количества, времени и других обстоятельств. Образуются, как принято считать, при присоединении к вопросительным местоимениям различных суффиксов. Их можно подразделить на группы по суффиксам, которые они присоединяют.

1. В первую группу входят сочетания вопросительных местоимений и частиц *-да/-дэ*, *-та/-та*, *-ут-та/-ут-тэ*. Примеры: *Хэрэн ок-та эти ун иманралкан набас бисни. Тарак як? (олики)*. 'У него низ никогда не оттаивает, всегда в густом снегу. Это кто? (белка)' (Э. Ф.). *Адиван-да эчэ танганта хигри бисни-гу? (нюрит)*. 'Стружки тальника, столько (много), что и не сосчитать, есть ли? (волосы)' (Э. Ф.). *Өмэккэтэл бими хол хомнэл; ады-да оми эгден энги орил (хаирал)*. 'Поодиночке очень слабые, собравшись по несколько (вместе) очень сильные становятся (пальцы)' (Э. Ф.). *Индида дөр тобэгэкэкэр бэйкэкэр. Аканур. Нокартан инивур чоптэрэ есчимэчидьдеттэ, ги-дэ хинма бисивэн (бөдэлэл)*. 'Живут два низеньких мужичка, братья. Они всю жизнь друг с другом в беге соревнуются, никто не опережает (ноги)' (Э. Ф.). *Дөр биникэн есчимэттэ, ги-дэ энэ туржун (мэрэнтэ)*. 'Живя вдвоем, соревнуются, ни один обогнать не может (льжи)' (Э. Ф.).

2. Вторая группа представлена неопределенными местоимениями с суффиксами *-ул*, *-вул*. Примеры: *Ги-гэл анганила илракан-хөнтэкич тэткэрэчэ. Тарак як? (төр)*. 'Кто такой, в год три раза по-разному одевается. Кто это? (земля)' (Э. Ф.). *Хэлургун амгай анган, бэю дебэснэн, ады-вул бэй бидэн (утэн)*. 'Людоед свой рот раскрыл, человека съел, сколько бы людей ни было, съест (дом)' (Э. Ф.). *Ибдирил бэйл тунган, өмэн-тэкэн авалкан, инив чоптэрэ, як-ул, хялта-вул*

бидэн (жал, унипан). 'Неизвестных людей пятеро, только у одного шапка, так всю жизнь, что бы ни было, даже если мороз (пальцы и наперсток)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй эйду инив-нюн бэю улиттэн, магдилив-ул, яв-ул биситэн (төрэнгэт, төр)*. 'Неизвестный человек всех живых людей кормит, и червей, и насекомых, кто бы ни был (наша земля)' (Э. Ф.).

Здесь примечательно образование неопределенного местоимения от притяжательного минги 'мой, принадлежащий мне', например: *Мингиливор төрэндулив хар*. 'Может по моим словам знают'.

Неопределенные местоимения приобретают значение отрицательных в предложениях с отрицательным сказуемым, например: *Хуланя хуличан дюдуджий энэлддэн, нян ок-та эсни тадук невэттэ. Эрэк як? (енгэ)*. 'Красная лисица из своей норы выглядывает, но никогда из нее не выходит. Что это? (язык)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй дебми ок-та эсни дялуватта (тог)*. 'Загадочный человек, кушая, никогда не насыщается (огонь)' (Э. Ф.).

Неопределенные местоимения склоняются аналогично вопросительным, присоединяемые частицы же остаются неизменными.

Итак, в современном эвенском языке местоимения образуют самостоятельную часть речи, отличающуюся своими особенностями от других частей речи.

Эвенские дейктические слова подразделяются на семь семантико-деривационных разрядов, каждый из которых имеет свой лексический состав, морфологические и синтаксические свойства: личные (персоналии), притяжательные (посессивы), указательные (демонстративы), определительные (детерминативы), возвратное местоимение, вопросительные, неопределенные.

Основная и главная функциональная характеристика эвенских местоимений — их способность быть словами-указателями. В собственно дейктической функции они соотносятся с именами собственными, называя конкретно лицо-субъект или лицо-объект. Не менее

важна и роль местоимений и как слов-субститутов, которая позволяет замещать в сжатом виде отдельные отрывки в связном тексте или фрагменте речи.

Присутствие в высказывании местоимений говорит о том, что между говорящим и слушающим к моменту ситуации речи уже установлены связи, предусматривающие сумму общего запаса сведений. В этом случае местоимения выступают связующими элементами в речи и неразрывно связаны в структурном и семантическом плане с контекстом.

Глава II

КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Под категорией персональности в эвенском языке мы понимаем систему грамматических форм, объединенных обобщенным категориальным значением лица. В этом отношении мы должны заметить, что А.Ф. Бойцова впервые детально рассмотрела средства языка, имеющие отношение к категории лица: личные, возвратные, притяжательные местоимения и личные суффиксы глагола [1940].

Категория лица глаголов и местоимений как грамматический центр персональности полифункциональна. Она выполняет:

1) собственно семантическую дейктическую функцию соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта (соотнесения как пересечения или непересечения);

2) семантико-прагматические функции, связанные с передачей точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи;

3) структурные функции согласования (координации) сказуемого и подлежащего [Теория..., 1991, с. 6].

В данной главе осуществляется попытка дать анализ содержания и функции категории персональности в эвенском языке, используя систему понятий и терминов, разработанных школой А.В. Бондарко.

Определение понятия «лицо», предложенное Р.О. Якобсоном при рассмотрении глагольных категорий русского языка, принимается исследователями, занимающимися теорией функциональной грамматики, как исходное положение для истолкования семантики лица: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо — о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом» [1972, с. 100]. Приведенное определение вплотную подводит к формулировке понятия персональности как актуализационной категории дейктического типа.

А.В. Бондарко приводит следующее определение: «Персональность — это семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему. Вместе с тем персональность — это и функционально-семантическое поле (ФСП), базирующееся на данной семантической категории, рассматриваемой вместе со средствами ее выражения в том или ином языке» [Теория..., 1991, с. 5].

ОТНОШЕНИЕ ЛИЦ — УЧАСТНИКОВ ОБОЗНАЧАЕМОЙ СИТУАЦИИ И ЛИЦ — УЧАСТНИКОВ СИТУАЦИИ РЕЧИ

Язык как средство коммуникации предусматривает сообщение между участниками ситуации речи. Данное сообщение уже само соотносит участников обозначаемого факта с участниками ситуации речи (говорящим и слушающим). Категория лица базируется на отношении между двумя группами участников сообщения. Варианты отношения между участниками обозначаемой ситуации и участниками ситуации речи могут быть рассмотрены с различных углов зрения.

Опираясь на классическое грамматическое определение лица, данное Р.О. Якобсоном, функциональ-

ная грамматика расширяет трактовку понятия «отношение» между участниками обозначаемой ситуации и участниками ситуации речи на приводимые ниже разновидности.

По классификации А.В. Бондарко существуют следующие варианты отношения пересечения/непересечения лиц — участников обозначаемой ситуации и лиц — участников ситуации речи:

- 1) отношение пересечения (тождество, включение);
- 2) отношение непересечения (пересечение со слушающим, отнесенность ситуации к лицам, не участвующим в речи);
- 3) особые типы отношения к лицу (неопределенно-личность, обобщенно-личность, безличность) [Теория..., 1991, с. 5].

Анализируя систему языковых средств, участвующих в реализации персональности в эскимосском языке, Н.Б. Вахтин заключает: «...Отношение, как известно, представляет собой категорию значительно более разнообразную. Кроме отношений тождества, или эквивалентности, она включает такие понятия, как отношения пространственные, временные, причинно-следственные, отношения части и целого, отношения принадлежности и др.» [Теория..., 1991, с. 110]. Такой подход приемлем для местоименных обозначений.

Дейктическая функция персональности

Категория лица в эвенском языке как и в других тунгусо-маньчжурских языках представлена в глаголе и в местоимениях. Причем всеми исследователями, так или иначе касавшимися данного вопроса, подчеркивается некий, почти общий, параллелизм категории лица глаголов и местоимений в выполнении собственно дейктической функции соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта.

Традиции изучения категории лица предусматривают обзор местоимений и глагольных форм по двум типам персонального дейксиса: конкретного и неконкретного.

Конкретный персональный дейксис

Конкретный персональный дейксис указывает на конкретное определенное лицо. А.В. Бондарко проводит внутри данной сферы три членения по разным признакам отношения к лицу [Теория..., 1991, с. 8].

Первое членение: а) собственно-личный (определенно-личный) дейксис — указание на собственно лицо; б) предметный дейксис. По данному членению собственно-личный дейксис является основной функцией формы 1-го и 2-го л. и возможной функцией 3-го л.

Второе членение: а) неанафорический дейксис — указание на говорящего, слушающего, а также на лицо или лица, не участвующие в речевом акте (обязательная функция форм 1-го и 2-го л. и одна из возможных функций форм 3-го л.); б) анафорический дейксис — указание на ранее названные лица (одна из возможных функций 3-го л., но не 1-го и 2-го).

Третье членение: а) ситуативно актуализированный дейксис — указание на участников обозначаемых ситуаций, соотнесенных с ситуацией речи; б) ситуативно неактуализированный дейксис — указание на участников ситуаций вне соотнесенности с ситуацией речи. В данной связи значения конкретного персонального дейксиса вполне определенно охарактеризованы при рассмотрении личных местоимений в гл. I.

Неконкретный персональный дейксис

По традиции изучения категории лица к типу неконкретного персонального дейксиса (лишенный признака указания на конкретное или определенное лицо) относятся неопределенно-личный и обобщенно-личный дейксис.

Неопределенно-личный дейксис характеризуется указанием на неопределенное лицо или множество лиц. В эвенском языке выражается неопределенно-личными конструкциями, включающими местоимения *ни* и *як* с частицами *-да/-та*, *-тан/-такан*. Например: *Ни-дэ ок-та эдэн таррочим дукум гаграр!* 'Никто никогда пусть не получает такого письма!'

(Шол.). Нгин гөнни: «Як-та эч эмрэ». Хэвки гөнни: «Як-та бисине-э. 'Собака сказала: «Никто (досл. ничто) не приходил. Бог сказал: Кто-то (досл. что-то) был»' (Э. Н.). Долбо дулакандулан долдарам, нги-ткэн мин налу хэлкэниди, улгимин. 'Вдруг среди ночи слышу, кто-то меня за руку дергает, спрашивает' (Шол.). Өмнэ-кэнти нги-дэ титанган, чэлэр дилур огэррэ, би тачинда. Көөттэм, ойдэлэ як-та ислэ чакулитти нокуттан, титанган-да. 'Вдруг кто-то запищал, все головы вверх подняли, и я тоже. Гляжу, наверху что-то завернутое в шкуру пищит' (Ам.).

Важно отметить, что из приведенного списка исключаются предложения типа: *Як-такан нокардулатан дюллэ алаттан?* 'Что только их впереди ждет?' (Шол.). Данного вида конструкции лишены признака указания на неопределенное лицо.

Обобщенный личный дейксис — это соотнесение ситуации, лишенной конкретной референции (ситуации повторяющейся, обычной или «вневременной»), и ее участников с обобщенным классом лиц, включающим говорящего: а) как носителя своего опыта или б) как человека, представляющего и разделяющего (нередко предполагается: вместе со слушающим) опыт и суждения обобщенного (вплоть до масштаба «люди вообще») класса лиц [Теория..., 1991, с. 10].

Данное значение в эвенском языке выражается специальными лексическими средствами — определительными местоимениями типа *кубэччи, чэлэн, эйду, бутун, бэкэч, кубэч* 'все'. Например: *Тек чэлэр мэдур-тэкэн манруттитан.* 'Теперь все только на себя надеются'.

Обобщенно-личный дейксис выражается также условными деепричастиями на *-ми*: *Дялуми имсэ-дэ кэнели бигрэн. Дебэмэлми, кэнели-дэ ибга бигрэн.* 'Если насытиться, и жирное плохим будет, если голодный, и плохое хорошим будет' (Бул.). *Нэнми төр манувран, дебми деплэ манувран.* 'Если идти, земля кончается, если кушать, еда кончается' (Бул.).

Свойствами обобщенно-личного содержания обладает в определенной речевой ситуации и форма 2-го л. ед. ч. Она может употребляться в тех случаях,

когда предполагается, что в данной роли может выступать любое лицо, либо когда действие как бы совершается слушающим (или слушающими), но подразумевается обобщенно. Примеры: *Мукуттиди эди өрэнкил, нимнэриди өрэнни*. 'Держа во рту, не радуясь, радуйся, когда проглотишь'. *Хагды төрэмэн эди недакыл, таракам делалкан бэй бидинри!* 'Не отбрасывай слов старших, счастливым человеком будешь'. *Гилталлиду эди экил! Ялраня-да бидэн, гиркаридукун хали!* 'Не ищи в жены светловолосую! Пусть будет черноволосая, но ты будешь знать ее (досл.: шаги)'. *Абдун ибгадун (айдун) эди экил, хигилин ибгадун эели! Төлгидэн ибгадун эди экил, дон ибгалан (айдун) эели!* 'Не ищи в жены женщин по хорошей одежде, ищи по хорошему характеру. Не ищи в жены женщин по хорошей внешности, ищи по хорошей душе!' (Бул.). *Гөвэттэ: «Тог хинкэривэн — долчигалра. Тог мусалканта»* 'Говорят: «Всегда прислушивайся к тому, как трещит огонь. Огонь имеет духа-хозяина!»'.

СОСТАВ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Вопрос о составе категории персональности достаточно четко разработан А.В. Бондарко, который, исходя из более широкого определения лица в языках полиперсонального типа, учитывает не только отношение лица к субъекту, но и объекту: «Фактически выражение лица в объекте дополняет и поддерживает то выражение семантики лица, которое дано в субъекте. Это взаимодействующие и взаимозависимые стороны единого комплекса субъектно-объектных отношений. Взаимосвязи выявляются в речи» [Теория..., 1991, с. 16].

Отражение лица субъекта в лице объекта

В случае, когда субъект выражается косвенными падежами местоимения (и существительного), отмечается отсутствие единой парадигмы типа *би дукрам, хи дукрас* и т.д., когда лицо глагола и лицо местоимения составляют единую подсистему: *Минду мулгачип-*

тин, буюсэктү эррочин-дэ бивэттэн. 'Мне думалось, что на охоте и вот такое бывает'. Гургэ эсни минэч, хинэч олтан. 'Работа выполнена не мной, а тобой'. Как показано, здесь имеют место пассивные конструкции с дательным и творительным падежом субъекта.

Субъектное отношение к лицу тесно связано с отношением объектным. Данное положение чрезвычайно четко иллюстрируется в диалогической речи, где объект «меня» здесь закономерно выражает тождество с субъектом «я», «тебя» — «ты», «вас» — «вы». Например: Хуличан: Этэ, янри? Яс энсэн-е? Накат: Мину мукалрач дылалкар нэктэрэн-э. 'Лиса: Дедушка, что ты делаешь? Что у тебя болит? Медведь: Меня кочку вместо головы имеющие подстрелили' (Э. Н.).

В эвенском языке, как и в других языках, допустимо известное распространение обобщенно-личного значения не только на субъект, но и на объект: Гургэвчинри-гургэвчинри, нян-да нэивэрэнри, яв нектэй, эсэм харам. 'Делаешь, делаешь работу, и опять подвергаешься ругани, что делать, не знаю'. Кунили-да, хонни, няли-да, икэли, минду як бидин. 'Хоть кричи, хоть плачь, хоть шамань, хоть пой — что мне с того'.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Категориальная ситуация в функциональной грамматике трактуется как выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, базирующаяся на определенной семантической категории и функционально-семантическом поле. Категориальная ситуация по сравнению с функционально-семантическим полем представляет собой более конкретное явление, потому что оно репрезентируется отдельными высказываниями [Теория..., 1987, с. 12].

Семантика персональности реализуется в речи в любом высказывании, актуализируясь категориальными грамматическими значениями (формы лица глаголов и местоимений) и некатегориальными значениями персональности (например, синтаксические конструкции с неопределенно-личной семантикой). По-

нятие персональная ситуация используется для анализа вариантов семантической категории личности в речи. А.В. Бондарко дает ей следующее определение: «Персональная ситуация — это базирующаяся на семантической категории и поле личности типовая содержательная структура, представляющая собой тот аспект передаваемой высказыванием общей ситуации, который заключает в себе отношение к лицу» [Теория..., 1991, с. 11].

Разновидности персональных ситуаций

Для полноценного анализа персональных ситуаций необходим такой подход к языковому материалу, который рассматривает предмет не только на уровне глагольной формы или синтаксической конструкции, но и учитывает семантику целостного текста, минуя отдельные высказывания. Такой подход позволяет сделать соответствующие выводы. Разновидности персональных ситуаций (ПС) в эвенском языке могут быть рассмотрены в виде следующих отдельных группировок.

1. Категориальные ситуации личности, связанные с актуализацией лица — участника ситуации речи (конкретный персональный дейксис). Рассмотрим типовые содержательные структуры на примерах. Первый тип актуализируют высказывания следующего плана: 1. *Тек эдук дюлэски би хинтэки аччадус кэ-нелив этэм төрэснэ.* 'Теперь и в будущем я не скажу о тебе плохого даже в твое отсутствие' (Эп.). 2. *Би мулгатам, би-дэ тачин-та көчүкэм асаткам бакчим.* 'Я подумала, что я тоже так же маленькую девочку найду' (Ам.). 3. *Илитан неделяла дукум Воронежстук гадам.* 'На третьей неделе письмо из Воронежа получил' (Шол.). 4. *Гэ, аринкаякам Хуличаякам, мадим, бакми!* 'Ну, чертов Лис, убью, как найду (досл. найдя)' (Э. Н.). 5. *Куйаргиду негдиву терутэикэн хэйкэли!* 'За цепочку — повод мой с осторожностью схватись!' (Эп.).

Категориальная ситуация личности (конкретный персональный дейксис) в данном случае актуализируется в равной мере личными местоимения-

ми 1-го и 2-го л. и личными показателями глагола в примерах 1, 2, в примерах 3—5 — только глагольными суффиксами.

2. ПС, связанные с актуализацией лица — участника обозначаемой ситуации (анафорический дейксис). Рассмотрим примеры: *Ноҕардулатан асаткан, нярич нөлэтти бисни*. 'У них жили девочка с младшим братом' (Э. Н.). *Тарак барагран*. 'Тот отвечает'. Анафорический дейксис выражается личными местоимениями 3-го л. ед. и мн. ч. (причем во всех косвенных падежах), указательными местоимениями эрэк, тарак 'этот, тот'.

3. ПС, связанные с неопределенной личностью участников обозначаемой ситуации (неопределенно-личный дейксис). Неопределенно-личный дейксис выражается неопределенно-личными конструкциями (см. выше).

4. ПС, связанные с посессивностью — актуализацией лица-обладателя объекта с конструкциями, включающими собственно лично-притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения (см. гл. I — посессивы), а также лично-притяжательные суффиксы, например: *Дылу — нам, хогдие — кутана*. 'Моя голова — море, мой хвост — болото' (Бул.).

В эвенской речи передаваемая высказыванием общая ситуация может объединять и переплетение различных персональных планов (например, предложения, включающие, кроме подлежащего, косвенные падежи личного местоимения 3-го л.).

СВЯЗЬ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ С ДРУГИМИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ

В работах по теории функциональной грамматики регулярно подчеркивается связь между функционально-семантическими категориями. В исследовании В.А. Роббека, посвященном грамматическим категориям эвенского глагола, четко выводятся положения о взаимной соотнесенности отдельных ФСП, например, поле локализованности/нелокализованности дей-

ствия во времени взаимодействует с ФСП аспектуальности, темпоральности, модальности и персональности [1992, с. 71]. Рассмотрим некоторые моменты, раскрывающие связь персональности с другими функционально-семантическими категориями.

Персональность и количественность

Понятие единой категории лица и числа, их тесная связь исследуется во всех грамматических работах. Категория количественности в эвенском языке рассматривалась в нашем предыдущем исследовании [Шарина, 1999]. Однако нужно отметить, что относительно персональности недостаточно точно выдерживается наш подход к категории количественности в эвенском языке — бинарная оппозиция единичности/множественности. Наиболее уместен взгляд на данную проблему А.Н. Жуковой, которая при количественной характеристике имени существительного в корякском языке выделяет не только дистрибутивную, но и репрезентативную множественность, близкую по значению к собирательности. Выявляя общее противопоставление единичности/множественности, А.Н. Жукова подчеркивает, что «в корякском языке ряд имен существительных регулярно образует форму выделительной единичности» [Теория..., 1996а, с. 218]. Близко к подобному подходу и толкование А.П. Володина [Теория..., 1991, с. 90]. Взгляд данных исследователей приемлем и для эвенского материала. Мы считаем, что соотношение лица и числа, представленное в виде **уникальность/совокупность** более точное и конкретнее обрисовывает связь в сфере количественности и персональности. Проиллюстрируем это на материале ядра поля персональности. Личное местоимение 1-го л. ед. ч. **би** 'я' означает только одно лицо — участника ситуации речи. Личное местоимение 1-го л. мн. ч. **мут** 'мы' никак не может обозначать **би + би + би...** 'я + я + я...', что предполагает грамматическое значение множественного числа, а совокупность определенных субъектов, т.е. множество типа **би + хи + нонган** и т.п. Тем самым данные местоиме-

ния несут в себе семантику не только числа, но и нестандартности и определенной уникальности лиц — участников ситуации речи и участников обозначаемой ситуации. Совокупность же лиц предполагает всегда общность отдельных субъектов, объединенных по определенному признаку.

Возвратные местоимения мэни/мэрбур 'самого себя/самих себя' в речевой ситуации также категоризируются по формуле уникальность/совокупность.

Итак, все приведенные выше разряды местоимений (личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные) в эвенском языке имеют определенное место в структуре ФСП количественности, являясь одним из способов передачи смысла количественности в языке. Анализ различных типов категориальных ситуаций показывает, что все включенные в поле количественности дейктические слова можно отнести к лексическим средствам выражения количественности и структурно обозначить как периферийный пласт поля количественности.

Другой подход требуют морфологические показатели лица и числа глаголов как одна из основных форм выражения количественной характеристики субъектов — единичности/множественности участников акта действия. Специальные показатели лица и числа глаголов по степени грамматикализованности относятся к ближайшей от ядра сфере, водворяющей глагольные формы, которые актуализируют количественность. Данное обстоятельство еще раз доказывает тесную функциональную связь количественности и персональности.

Персональность и посессивность

К.Г. Чинчлей утверждает: «Категория посессивности отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризированные нашим сознанием, например, отношения, выраженные оппозициями "свой/чужой", "часть/целое"» [Теория..., 1996б, с. 101].

Посессивность как семантическая категория в большинстве случаев рассматривается в связи с понятием персональности, имея в виду обладание и принадлежность объекта относительно определенного лица. Посессивность в эвенском языке выражается притяжательными местоимениями (аналитическое средство) и парадигмой лично-притяжательных суффиксов (синтетический способ). Аналитическая посессивная конструкция включает собственно лично-притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения (посессывы), в основе которых лежат личные местоимения. Как было указано выше, в некоторых западных говорах в составе посессивных конструкций выступают также сами личные местоимения.

Во многих языках отмечена одинаковость или материальная близость посессивных показателей имени и личных показателей глагола. Не исключение в этом и эвенский язык, что говорит о том, что ФСП персональности и посессивности здесь тесно соприкасаются. Рассмотрим это на примере соотнесения существительных с лично-притяжательными суффиксами и глаголов прошедшего времени изъявительного наклонения. В данном случае в языке наглядно выводится систематизация по определенным лицам и соответственно отношениям обладания, принадлежности:

1-е л. ед. ч.	<i>дюв</i> 'мой дом'	<i>гургэвчирив</i> 'работал (я)'
2-е л. ед. ч.	<i>дюс</i> 'твой дом'	<i>гургэвчирис</i> 'работал (ты)'
3-е л. ед. ч.	<i>дюн</i> 'его дом'	<i>гургэвчирин</i> 'работал (он)'
1-е л. мн. ч.	<i>дювун</i> 'наш (с тобой дом)'	<i>гургэвчиривун</i> 'работали (мы)'
1-е л. мн. ч.	<i>дют</i> 'наш дом'	<i>гургэвчирит</i> 'работали (мы)'
2-е л. мн. ч.	<i>дюсан</i> 'ваш дом'	<i>гургэвчирисэн</i> 'работали (вы)'
3-е л. мн. ч.	<i>дютан</i> 'их дом'	<i>гургэвчиритэн</i> 'работали (они)'

Данное положение лишней раз материализует тезис о том, что посессивность не мыслится без определенного лица, без определенного обладателя.

Персональность как категория, относящаяся и к сфере глагола, имеет отношения в плане общего значения с глагольными категориями модальности, локализованности/нелокализованности действия во времени, таксисом и др.

Итак, функционально-семантическая категория персональности в эвенском языке опирается на глагольные и местоименные формы лица. Они являются основными формами выражения лица. Семантика лица может быть выражена и другими средствами: синтаксическими, лексическими, контекстом высказывания. Ниже мы попытаемся рассмотреть средства выражения персональности с позиций структурирования поля.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

В функциональной грамматике принято выделять два структурных типа ФСП: моноцентрическое и полицентрическое. А.В. Бондарко подчеркивает, что поле персональности является моноцентрическим. Однако данное положение не исключает сложную бинарную структуру ядра (центра) персональности, включающую грамматические формы лица глаголов и личных местоимений, выступающих подлежащим. Данное истолкование А.В. Бондарко поясняет тем, что выделение нескольких центров в рамках одного поля всегда базируется на вычленении разных функциональных сфер [Теория..., 1991, с. 19—20]. Он рассматривает следующий состав периферийных элементов: комплекс морфологических, синтаксических, интонационно-синтаксических, лексико-синтаксических и лексических средств.

Попытка полевого структурирования средств выражения персональности в эвенском языке предпринимается не впервые. В работе «Грамматические категории эвенского глагола» В.А. Роббек рассматривает функционально-семантическое поле персональности в эвенском языке, исходя из определения персональности, данного А.В. Бондаркой, но в определенном смысле структура поля персональности и его содержание в его трактовке несколько иное. Автор при описании поля персональности в эвенском языке исходит из принципа наибольшей степени грамматизованности, выводя в центр ФСП только суффиксы лица глагола, тем самым исключает личные

местоимения из состава ядра и ближайшего морфологического периферийного окружения [Роббек, 1992, с. 131]. Данная интерпретация выглядит довольно стройно и даже выигрышно на фоне агглютинативности эвенского языка.

На основании анализа категориальных ситуаций личности выстраивается следующая парадигма ФСП личности в эвенском языке. Грамматическая категория лица представляется как функциональное объединение показателей лица глаголов и местоимений, при всем различии данных частей речи. С точки зрения семантики личности их функции довольно близки. Во многих языках отмечается одинаковость или материальная близость личных показателей глагола и имени. В эвенском языке даже чисто фонетическая соотнесенность подчеркивает связь личных суффиксов глаголов и личных местоименных форм. На самом деле данный факт может говорить о некой исторической связи при выражении категории лица, причем переходе от первичного к вторичному (табл. 6).

Табл. 6 показывает близкую фонетическую соотнесенность личных местоимений и глагольных форм лица и числа в эвенском языке. Однако при каждом отдельно взятом конкретном функционировании роль данных элементов в языке неоднозначна. Анализ типовых категориальных ситуаций личности в эвенском языке показывает, что наиболее регулярной формой является все-таки личный глагольный суффикс, так как в эвенском языке употребление

Таблица 6

Личные местоимения и личные глагольные суффиксы

Лицо и число	Местоимение	Время личных глагольных суффиксов		
		Настоящее	Прошедшее	Будущее
1-е л. ед. ч.	<i>би (мин)</i>	-м	-в	-м
2-е л. ед. ч.	<i>хи (хин)</i>	-нри	-с	-нри
3-е л. ед. ч.	<i>ноган</i>	-н	-н	-н
1-е л. мн. ч.	<i>бу (мун)</i>	-у	-вун	-ру
1-е л. мн. ч.	<i>мут</i>	-п	-т	-п
2-е л. мн. ч.	<i>ху (хун)</i>	-с	-сэн	-с
3-е л. мн. ч.	<i>ногартан</i>	—	тан	—

личных местоимений в речи ограничено в силу того, что логически следует из семантики глагольного показателя. Употребление личных местоимений диктуется содержанием высказывания, при котором подчеркивается семантика лица. Однако, если при актуализации персональности личные местоимения в эвенском языке являются именно узкоспециальными средствами указания на определенное лицо, то глагольные показатели лица все-таки «грешат» некоторыми исключениями. Так, глагольные показатели 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. могут указывать на собственно лицо в одних высказываниях и на предмет или явление, относящиеся к «миру вещей» в других, и здесь не могут быть отнесены даже к пассивным участникам ситуации речи. Например: *Акму эмрэн*. 'Старший брат (мой) пришел' / *Хунгэ хункэлрэн*. 'Ветер дует'. *Кункал коеттэ*. 'Дети смотрят' / *Тонэрэл бокувэттэ*. 'Озера замерзают (леденеют)'.

Исходя из изложенного, считаем целесообразным при структурировании поля персональности признать данные доводы ключевыми. Это позволяет нам включить местоимения с глагольными показателями лица в ядро ФСП персональности. Таким образом, выводя в центр поля персональности личные местоимения (би, хи, нонган, бу, мут, ху, нонгартан) и суффиксы лица и числа глаголов, мы повторяем подход А.В. Бондарко, отходя от трактовки В.А. Роббека.

В центре ФСП персональности выделяется ядро — это глагольные и местоименные формы 1-го и 2-го л. Так как при обозначении лиц 3-е л. функционально обособлено от участников ситуации речи, оно граничит с периферией, допуская иногда выход из данного круга (при обозначении «не лиц» и выражении безличности).

При отнесении того или иного языкового средства к центру или периферии ФСП принято выделять «персональные элементы I ранга — выражающие отношение к лицу, касающиеся субъекта-подлежащего, и персональные элементы II ранга — находящиеся за пределами субъекта-подлежащего (когда отношение к лицу касается субъекта, выраженного

дополнением, а также объекта и атрибута)» [Теория..., 1991, с. 21]. Таким образом, формы личных местоимений в косвенных падежах, выполняющие роль дополнений, являются персональными элементами II ранга и относятся не к центру поля персональности, а к ближайшей периферии.

Отдельным слоем выводятся притяжательные местоимения и притяжательные формы имен -в, -у, -му, -с, -а-с, -си, -н, -н, -ни, -вун, -ун, -мун, -т, -а-т, -та, -сан/-сэн, -тан.

По степени грамматикализованности к следующему периферийному ярусу относятся лексико-морфологические средства выражения персональности: наименования лиц — существительные, образованные от различных основообразующих суффиксов. По структуре данные обозначения лиц традиционно подразделяются следующим образом.

1. Наименования, образованные при помощи суффикса -мга/-мгэ: *оралчимга* 'оленевод', *хукучимгэ* 'учитель', *кукуюмгэ* 'человек из рода кукуюнов' — обозначающие лиц со значением рода занятий и принадлежности роду.

2. Существительные со значением жителя данной местности, образующиеся при помощи суффикса -икан/-нкэн: *наманкан* 'житель моря, помор', *окатанкан* 'житель рек, поречанин'.

3. Наименования лиц с суффиксами -ман/-мэн указывают на пристрастие к чему-либо: *улрэмэн* 'любитель мяса, мясоед', *чайман* 'любитель чая', *кусимэн* 'драчун'. Существительные, образованные посредством данного суффикса, могут обозначать и животных.

4. При помощи суффикса -рани/-рэни создаются наименования лиц со значением приобретенного родства: *эньрэни* 'мачеха'.

5. Суффикс -к образует наименования лица, находящегося в определенных отношениях с другим лицом: *нимэк* 'сосед', *матак* 'зять', *гэрбэлэк* 'тезка'.

6. Наименования лиц со значением отправления для совершения того или иного действия образуются при помощи суффикса -дь: *хотудь* 'проводник', *буюдь* 'охотник'.

7. Существительные со значением лиц, искусных в чем-либо, образуются при помощи суффикса *-лан/-лэн*: *нимкалан* 'хороший сказитель', *дебэлэн* 'человек с хорошим аппетитом', *олан* 'мастер'.

8. Наименования лиц, склонных или привычных к совершению того или иного действия, образуются при помощи суффикса *-та/-тэ*: *хоната* 'часто плачущий, плакса', *икэтэ* 'постоянно поющий, певун'.

9. Суффикс *-тур* образует существительные со значением лиц, производящих то или иное действие с исключительным мастерством, а также что-либо делающих сверх нормы и возможностей: *улитур* 'самый ловкий в гребле', *буютур* 'лучший охотник'.

10. Наименования лиц, питающих любовь к тому или иному действию, образуются при помощи суффикса *-маган/-мэгэн*: *танмаган* 'любящий читать', *кусимэгэн* 'любитель драться, воевать'.

11. Суффикс *-ма/-мэ* образует существительные со значением процесса и лица, любящего производить то или иное действие: *хуклэмэ* 'желание спать, любящий спать, соня', *кусимэ* 'желание драться, любитель драться, драчун'.

12. При помощи суффикса *-нка/-нкэ* образуются существительные со значением лица, склонного к тому или иному действию: *хиранка* 'постоянно сердящийся', *өсэнкэ* 'хворый, хилый'.

Персональность обобщенно-личного типа в синтаксических конструкциях может определяться и некоторыми прилагательными, выступающими в качестве наименований людей. Например: *Хутэлкэм бакли, хуткэн тогэнчинри!* 'Возьми замуж (вдову) с ребенком, ее ребенок будет о тебе заботиться'. *Нэстилбу эди экил, энсийи эди манкил! Атикам бакли, эмэнчэдукун дебдинри, көкэрэкэн.* 'Не ищи (в жены) моложе, не истощай своей силы! Найди себе пожилую женщину, будешь есть оленей из ее наследства, когда она умрет'. *Энзел биситэн.* 'Жили богатые (люди)'.

В качестве наименований лиц могут выступать прилагательные:

1. Образованные посредством суффикса *-к*, обозначающие свойства человека: *омгаик* 'рассеянный', *бутэк* 'болезненный'.

2. Образованные при помощи суффикса *-вни* со значением положительных качеств людей: *хэрлэвни* 'уважаемый', *одявни* 'бережливый'.

3. Прилагательные со значением положительных качеств людей с суффиксом *-й*: *хавай* 'умный, знающий', *гудей* 'милый'.

4. Прилагательные со значением различных качеств, образованные при помощи суффикса *-ка/-кэ*: *хэтэкэ* 'быстрый'.

5. Образованные посредством суффикса *-н/-на/-нэ* со значением свойств характера людей: *хэлигэ* 'торопливый'.

6. Образованные посредством суффикса *-ч*, обозначающие различные свойства людей: *мэргэч* 'умный', *эвэч* 'веселый'.

7. Прилагательные с суффиксом *-р*, обозначающие различные свойства людей: *абгар* 'здоровый', *билгар* 'жадный'.

8. С суффиксом *-гда/-гдэ*, обозначающие внешний признак человека: *ясалагда* 'глазастый', *мирэгдэ* 'плечистый'.

9. С суффиксом принадлежности *-нчи*: *оранчи* 'многооленный', *асинчи* 'многоженец'.

10. С суффиксом принадлежности *-лкан*: *оралкан* 'оленный', *хутэлкэн* 'имеющий ребенка, детей'.

11. Прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-ла/-лэ*, *-на/-нэ* в сочетании с именем отрицания *ачча* 'нет', обозначающие человека по признаку отсутствия у него чего-либо: *ач орна* 'безоленный', *ач калэ* 'безрукий', *ач дюлла* 'бездомный'.

Граничит с выделенным лексико-морфологическим пластом следующий круг периферии поля персональности — лексический. К лексическим средствам выражения персональной семантики в эвенском языке можно отнести:

1. Имена собственные людей. Примеры: *Эрэв Хулэрэв урэкчэн итилан улэнэлрэ, тала дючанган онгасанда, деплэнгэн кэнугрэдис, эдэн деплэв хояв дептэ*. 'Этого Хулэрэ на склоне горы бросьте, там юрту ему поставьте, будете еду (для него) носить, пусть много не ест'. *Хананади-си Кэливут нөкилтэки көөчиснэн, чэ-*

дэн Имумкут нөкингили кабабра. 'Шьющая Кэливут на стрелы посмотрела, все стрелы Имумкута переломились' (Э. Н.). *Нэлтэк өмэккэн дөр хутэлкэн эмэтин.* 'Нелтэк осталась одна с двумя детьми' (Н.). *Илалаттан инэжилэ бадикар Умчэгин нян-да улгимичэ Буондядук.* 'На третий день утром Умчэгин спрашивает у Буонди' (Алл.).

2. Лексемы, обозначающие людей по какому-нибудь признаку (по принадлежности к какому-либо роду, по возрасту, родству, наконец, по отличительной черте конкретной персоны), которые выражают персональную семантику конкретного или обобщенно-личного плана: *бэй* 'человек', *куна* 'ребенок', *нючи* 'русский' и т.п. Например: *Этикэн атиканчил биддэ. Асатканатан нод бисин.* 'Старик со старухой жили. Дочка у них была красивая'. *Кунатки гөнмэй: — Тогу эди хунригрэр, тогач эди эвир — эбэтэ одикас.* 'Надо говорить детям: не играй огнем — будешь часто мочиться'. *Хуркэчээкэн тачинта мамагалнюн нөкичиддэн.* 'Паренек опять с убивающими людей перестреливаться из лука начал' (Э. Н.). *Эвен чукчанюн мэрэнтэч хирулдэр.* 'Эвен с чукчей стали соревноваться, кто быстрее спустится на лыжах'.

3. Некоторые неопределенные местоимения, образованные от вопросительного *ни* 'кто' с присоединяемыми к нему частицами и определенные местоимения со всеохватным значением групп людей (*эйду*, *бэкэч*, *кубэч*).

Как отмечает В.А. Роббек, «в некоторых случаях лицо может определяться синтаксическим окружением, например: *Долбонив атас мэннюми хуклэвкэндэй гадни.* 'Ночью бабушка взяла (тебя) уложить спать с собой'... — Говорится о мальчике, которого бабушка уложила спать с собой, но не выражен средствами языка, а подразумевается, и читателю понятно, о ком идет речь» [1992, с. 130]. Данный способ отнесем в отдельные синтаксические способы выражения персональности.

Персональность в эвенском языке в определенной речевой ситуации может выражаться контекстом, главным образом при характеристике лиц образны-

ми, яркими, эмоционально окрашенными пословицами. Например: *Нин, хунтуриди, хогдий далчанчинни*. 'Собака, отстав, свой хвост лижет (о виноватом в чем-то человеке)'. *Арбагас долан аринка бисни, гэнчэгчин*. 'В старой дохе черт сидит, как говорится (о человеке, от которого не ожидалось чего-нибудь из ряда вон выходящего действия)'. *Кэрбэ хокан энилкэн-дэ, окаттукун элгэнтэн*. 'Олень-бык очень сильный, да за нос водится (о человеке, который при определенных успехах допускает или имеет какую-нибудь слабость)' (Э. Ф.).

Итак, функционально-семантическая категория персональности в эвенском языке опирается на глагольные и местоименные формы лица, на притяжательные формы имен, а также на лексико-морфологические, лексические, синтаксические, а также на контекстуальные средства выражения семантики лица.

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ

В эвенском языке отношения между объектами по их принадлежности (предмета обладания к обладателю, части к целому, единицы измерения к измеряемому и обратно, предметно мыслимого свойства к его носителю, действия к его исполнителю, одного лица к другому по родству, свойству, подчиненности и т.п.) выражаются с помощью притяжательных форм.

Посессивные формы свойственны в той или иной мере всем именным частям речи.

При структурировании ФСП посессивности в эвенском языке мы исходим из положения А.В. Бондарко, что «посессивность как семантическая категория представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого. Поле посессивности охватывает систему взаимодействующих средств

данного языка, служащих для вариантов посессивных отношений» [Теория..., 1996, с. 99].

Описание поля посессивности в эвенском языке охватывает систему взаимодействующих средств языка, служащих для выражения вариантов посессивных отношений.

В системы функционально-семантических полей выделяют четыре группировки:

1. С акциональным (предикативным) ядром, которая включает следующие компоненты ФСП:
 - комплекс аспектуально-темпоральных отношений: аспектуальность, темпоральность, таксис;
 - комплекс модально-бытовых отношений: группировка модальных полей (объективная и субъективная модальность, аффирмативность/негативность, повествовательность/вопросительность), бытийность (экзистенциальность);
 - комплекс модально-бытийных отношений: залоговость (поле, включающее не только выражение активности/пассивности, но и выражение транзитивности/интранзитивности, рефлексивности, взаимности и т.д.), персональность; комплекс двух последних полей относится к области пересечения акциональных полей с предметными (субъектно-объектными); особое положение в группировке ФСП с акциональным ядром занимает поле состояния, связанное со всеми тремя указанными комплексами ФСП, в частности с аспектуальностью, модальностью и залоговостью.
2. С предметным (субъектно-объектным) ядром: субъектность/объектность (имеются в виду отношения, выражаемые сочетаниями с падежными и предложно-падежными формами; падежное выражение рассматриваемых отношений взаимодействует с залоговостью и персональностью; данное поле включает также выражение одушевленности/неодушевленности), определенность/неопределенность (данное поле выходит далеко за пределы группировки полей с предметным ядром, будучи тесно связанным с полями качества и количественности, относящимися к следующей группировке).

3. С квалитативно-квантитативным (преимущественно атрибутивным) ядром: качественность, количественность (поле, охватывающее как признаки, так и субстанции, а также действия), компаративность, посессивность.
4. С обстоятельственным ядром: поля причины, цели, условия, уступки, следствия, поле сравнения, поле локативности; к данной группировке относится также обстоятельственный аспект темпоральности. Все обстоятельственные поля тесно связаны с предикативными отношениями [Бондарко, 1983, с. 41—42; Теория..., 1987, с. 31—32].

Как видно из приведенного, выделенные и описанные в эвенском языке языковые группировки относятся в основном к комплексу полей с акциональным (предикативным) ядром, которое включает определенные компоненты ФСП, связанные с семантикой глагольных грамматических категорий. Исследуемое поле посессивности относится к новой группировке полей с квалитативно-квантитативным ядром (как и наш предыдущий предмет — ФСП количественности [Шарина, 1999]), которая не только сохраняет связи с глагольными категориями, но и характеризуется существенной ролью субстантивных отношений.

ФСП посессивности в русском языке характеризуется бинарной структурой, обусловленной двумя типами посессивных функций, которым соответствуют определенные типы языковых средств — атрибутивные и предикативные конструкции [Бондарко, 1984а, с. 62].

В отличие от русского языка категория посессивности в эвенском языке имеет специальную систему грамматических форм, и соответственно ФСП посессивности будет моноцентрическим.

Ядро ФСП составляют собственно притяжательные формы: лично-притяжательные суффиксы *-в*, *-му*, показывающие принадлежность 1-му л. ед. ч.; 2-му л. ед. ч. — *-с*; 3-му л. ед. ч. — *-н*; 1-му л. мн. ч. — *-вун*, *-т*; 2-му л. мн. ч. — *-сан/-сэн*; 3-му л. мн. ч. — *-тан/-тэн*. Лично-притяжательные показатели являют-

ся основными средствами выражения значения обладания в эвенском языке.

Для данного языка характерно чрезвычайно широкое употребление лично-притяжательных показателей. Даже весьма приблизительные данные сопоставительного подсчета частотности этих форм обнаруживают довольно красноречивые цифры по сравнению с другими формами, актуализирующими посессивность.

Рассмотрим примеры: *Хуличан барагран: «Айе, тек, этэ, орчарбус остакли бэргэвкэнэм»*. 'Лиса отвечает: «Хорошо, теперь, дед, я твоих оленей (на длину пальца от ладони) до ногтя раскормила' (Э. Н.). *Кунгал ями хонникар дютки туттэ, иркар: «Эрэй! Дөйдэлэ як-ут-та бэй муттэки эмэддэн, мунду-си ининникэн гөнни: «Алатлишра, хөксие хакчарбусан дебдим»*». 'Дети вдруг с плачем домой бегут, кричат: «Горе! Там внизу какой-то человек к нам идет, нам он, смеясь, сказал: "Подождите, я ваши тепленькие печеночки съем"»' (Э. Н.). *Няри хэркэвэн кономач ибгэн ибчэ осалач хангана, хэрделин анан хэрэр гштаня, гэнэня осалач, нян хэрдэлийи усилкэн, эдэн иманна ир, няри хэркэвэн тунган оран осалдин оврар*. 'Мужские штаны шили длинными из хорошо выделанных камусов, низ орнаментировали белыми, черными камусами, по низу штаны завязывались тесемками, чтобы снег не попадал, мужские штаны шили из камусов пяти оленей' (Н.-К.). *Бэй ниридун окату давдин, эрэгэ урдун тэгэттэн (атват)*. 'Человек на его спине через реку переправляется, в животе у него сидит (долбленая лодка)' (Э. Ф.). *Дерминь энгэлбэчэ бэй дюн гулундук инэнедмэр*. 'Дом человека, разбогатевшего воровством, холоднее чем костер в тундре'. *Ибдириг бэю бакли, онн эйду нобати, корбакан кэвэлэн-тэкэн хакарин (мунрукан)*. 'Загадочного человека найди, одежда его вся белая, только украшение на шапке черное (заяц)'. *Багатыр учикан хятач деплэнгэттэн (нөкэчэн)*. 'Верховой олень богатыря питается тальником (лось)' (Э. Ф.).

*Нюлгина-нюлгино, асаткангу аяврив-у омнив
Нюлгина-нюлгино, дёгчили эрэгэр аймакан
Нюлгина-нюлгино, муну дёнами, гэлэтми-ул*

Нюлгина-нюлгино, индүлэс мани одакан-ул
 Нюлгина-нюлгино, эрэгэр тогу улткэрэли.
 'Нюлгина-нюлгино, дочь моя любимая единственная
 Нюлгина-нюлгино, помни всегда хорошенько:
 Нюлгина-нюлгино, нас вспомнив или соскучившись,
 Нюлгина-нюлгино, в жизни своей трудности ли встретятся,
 Нюлгина-нюлгино, постоянно огонь угошай' (Н.).

В приведенных примерах можно выделить следующие особенности:

1. В конструкциях представляются два основных категориальных значения посессивности: обладание (в широком смысле) и принадлежность.

2. В семантической модели субъектно-объектной структуры наиболее широко используется вариант «X-лицо, Y-предмет».

3. Конструкции, представляющие посессивные варианты «X-лицо, Y-предмет», показывают, что в эвенском языке значение обладания возможно в большинстве своем в ситуации реального владения предметом.

Кроме рассмотренного типа конструкций в эвенском языке отмечается весьма устойчивый тип посессивного оформления. Это предложения с послелогом, оформленным лично-притяжательным суффиксом 3-го л. ед. и мн. ч. Семантика таких конструкций интерпретируется иначе.

Примеры: 1. *Нобати ибдири бэй стол ойлан ясали хурамникан илаттан (нейкэ)*. 'Белый загадочный человек, глазами помигивая, на столе стоит (свеча)' (Э. Ф.). 2. *Киран хурэлэн нугдэ дючанни, уркэчэнни, дөр (оран нусман)*. 'На конце горного хребта дом медведя, вход, два их (оленья морда)' (Э. Ф.). 3. *Көчүкэн киран тэриннэн дөкэкэр төкэрэл (оран ясалални)*. 'По разные стороны маленького горного хребта два озера (оленьи глаза)' (Э. Ф.). 4. *Дөр урэчил төнгэрэл элгэлэтэн өмэн хопкэчэн илаттан (ясалал, онат)*. 'Между двух одинаковых озер стоит одна сопка (глаза и нос)' (Э. Ф.). 5. *Гуд урэкчэн чидадукун бэй төрэмэн дениваттан, бэйди эсни ичуллоттэ (ултавки)*. 'Возле высокой горы слова человека повторяет, а само не показывается (эхо)' (Э. Ф.). 6. *Унэн ойдун камийак гадан дэсчин, Тавур*

як-а? — *Тавур илан гадан бидин*. 'На чуме половина поварешки лежит. Это что? — Это месяц' (Э. Ф.). 7. *Нинала унькан гадан дэсчин*. 'На блюде лежит половина ложки, излучает свет (убывающий месяц)' (Э. Ф.). 8. *Төр долан хирули этикэн бисни (накат)*. 'Под землей сердитый старик есть (медведь)' (Э. Ф.). 9. *Төр нийдалан хокси хибингэс (балгуо) дэсчин, усу*. *Тавур як бидин?* — *Тавур бидин кяганти (накат)*. 'Под землей лежит теплый кусок свинца (железа), это что будет? — Это будет медведь' (Э. Ф.). 10. *Омэн аси төр хэрдэлэн биддэн*. 'Одна женщина под землей жила' (Э. Н.).

Данные конструкции имеют следующие особенности:

1. Традиционное разделение на двух членов реляции — обладателя (посессора) и объект обладания в данном случае не выдерживается. X представлен как определяющее лицо или предмет по отношению к послелогу Y.

2. В зависимости от значения послелога Y данного типа конструкции могут указывать на такую семантическую разновидность посессивности, как часть целого (примеры 1, 2, 6, 7).

3. Посессор X рассматривается как ориентирующий элемент, а объект обладания Y как ориентируемый. Здесь обладаемое логически подчинено обладателю, указывающему на участок пространства, попадающий в его микромир (примеры 3, 4, 5, 8, 9, 10).

Перейдем к рассмотрению ближайшей к ядру периферии поля посессивности. Посессивность в эвенском языке актуализируется и возвратно-притяжательными суффиксами, указывающими на принадлежность предмета действующему лицу. Возвратно-притяжательные суффиксы *-й*, *-и*, *-ми*, *-би*, *-вур*, *-ур*, *-мур*, *-бур* составляют следующий после ядра круг ФСП.

Примеры: *Дюганиду тэтий эти нукра (болгит)*. 'Летом свою одежду не снимающий (кедровый стланик)'. *Өмэн хо нод нобати бэй бисни*. *Унтай-да додэнгич тэ-туттэн (мунрукан)*. 'Один очень красивый белый человек живет. Унты свои вывернутыми наизнанку носит (заяц)' (Э. Ф.). *Ибдири бэй эрэглэ алики, нинай*

инсэн, ноган удин колтачи (онаки). 'Неизвестный человек все время свою тарелку, блюдо на спине носит, след у него как будто половина (росомаха)' (Э. Ф.).

Приведенным примерам присущи следующие особенности:

1. Особенность конструкций с возвратно-притяжательными показателями в том, что они семантически ориентированы на объект обладания.

2. Данные конструкции построены по модели «Х-лицо, Y-предмет».

3. Y-предмет выражает две семантические разновидности посессивности, различающиеся по признаку отторжимости/неотторжимости предмета: собственно и несобственно обладание.

На предназначение предмета определенному лицу в эвенском языке указывает суффикс назначительного падежа *-га/-ка/-на*, который используется с возвратно-притяжательным суффиксом. Их также можно включить в перечень средств, составляющих ближайшую к ядру периферию ФСП посессивности.

Примеры: *Мут чаингавур коладиллоттан. Нокартан улрэнгэвур имсэлчив хэлбэччоттэ.* 'Мы начинали пить свой чай. Они таскали с собой мясо с жиром' (К.). *Хаман, бэйди аиннай хами, тамангай гасчича бидин.* 'Шаман, наверное, сам знает, сколько за лечение платы просить' (К.). *Чаингай төрдүк нёчэв тавникан колгаран. Тэбэкингэй бэйл тэбэкингэтэн нигтэвэн колгаран.* 'Вместо чая пила траву, которую сама собирала. Вместо табака курила корешки, что давали люди' (К.). *Туркигавур оридюр, ирасандянра, окатанур холаки, ирадянра туркивур.* 'Сделав себе нарту, потащили ее вверх по реке, тащат свою нарту' (Э. Н.).

В некоторой отдаленности от описанной группы можно вывести следующий пласт ФСП — показатель относительной принадлежности суффикс *-н*.

Примеры: 1. *Көсчими, мину төр кэнелингнин хөрүкэвттэ: урэкчэндули, элрэнгэли.* 'Когда пасли оленей, то посылали меня по плохим местам: по горам, по буграм' (К.). 2. *Уюн анганинги одакан, орам көсчилрэм дантады.* 'Когда мне исполнилось девять лет, я стал пасти оленей у дяди' (К.). 3. *Хорчагавур хояв хорчаг-*

раран. 'Заготавливали много сушеного мяса' (К.). 4. *Өмэндүк ангандук хулэку бутэнрин, гяла анганна ачча одын*. 'Болез больше одного года, на следующий год его не стало' (К.). 5. *Эньи ингэчэ өкэненэн эрэгэр нокучаддан (бегандя)*. 'Замерзшее молоко матери все время висит (луна)' (Э. Ф.). 6. *Иманра чукачаканан — нод чукачан (кабья)*. 'Снежная птица — очень красивая птица (белая куропатка)' (Э. Ф.).

Как показывают примеры, конструкции с показателем относительной принадлежности семантически указывают не на собственно обладание, а скорее выражают отношение определенного лица к данному предмету. Они употребляются с акцентом на факт касательства X и Y. Данной моделью выражаются качества и признаки субъекта, состояния (примеры 1 и 6), обозначение возраста (2), отрезка времени (4).

Оформление показателем косвенной принадлежности дает также возможность выполнения в тексте некой дейктической и анафорической, связующей функции.

Нельзя не отметить встречающуюся в эвенской речи некоторую «загруженность» посессивными показателями одного и того же слова. Так, высокую частотность обнаруживает оформление по модели «суффикс косвенной принадлежности + суффикс назначительного падежа + показатель безличной принадлежности». Например: *Нян олрангавур бэйнэдэвур мулгаритан*. 'И вот решили они пойти ловить рыбу' (Э. Н.). *Өмэн аси биддэн. Тарбач берусэл нонман атикангавур гасчинар*. 'Одна женщина живет. И вот ее берусы захотели себе в жены взять' (Э. Н.). *Накат бэй одыди, эмрэн, асив атикангай гадни*. 'Медведь, в человека превратившись, пришел, женщину себе в жены взял' (Э. Н.).

В эвенском языке довольно богато представлен арсенал формально-грамматических средств выражения обладания. Форма обладания имен на *-лкан* и необладания на *ач-ла* относится к следующей сфере ФСП посессивности.

Примеры: 1. *Нэбати багатиран бисни. Нонан хи-ралкан-нюн нэлукэттэн (хялта)*. 'Белый богатырь живет. Его дыхание пугает (мороз)' (Э. Ф.). 2. *Хулинну*

тарьяла нэннэкэн, кверэн: дыгэн дюптич дэтлэлкэн, дөр дюптич дёлалкан, дыгэн дюптич хогаралкан, хэл хирбаннач ингаталкан угсэки бисни. 'Хулину, придя туда, увидел орла с четырьмя двойными крыльями, с двумя двойными головами, с четырьмя двойными когтями, с перьями из кованых железных пластин' (Ол.). 3. Кирик ай бэй биникэн өмэн-тэкэн кэнелилкэн бисни. 'Хотя Кирик и был хорошим человеком, у него одна плохая черта была' (К.). 4. Нөлтэндук уйчири мавуталкан бисэм — гонрэхэ дюлкан оралчимка. Нөлтэн усин. 'От солнца я поднимаюсь, мавут у меня есть — говорящий, оленевод с чумом. Солнечный луч'. 5. Мэн ач тануна орарби косчидды бисни (осикаталкан бегандя). 'Своих несчитанных оленей пасущий (месяц со звездами)' (Э. Ф.). 6. Як эрэк миргиняч нирилкан? (чилика). 'Кто это с полосатой спиной? (бурундук)' (Э. Ф.). 7. Ибдири бэй тагнялкан, ат-та дэтлэлэч нэнрэн, дагрит хогналракан, укал дэтлэгэн хен, дэгсэн (эгден этэргэн). 'Неизвестный человек, как олень рогатый, без крыльев ходит, как только зашевелится — так у него крылья появятся, полетит (большой муравей)' (Э. Ф.). 8. Нюритэлкэн этикэн аю деплэнгон бэйл эсникэн улгмир хептур хинюссотта, тарич кабалканикан дебэллоттэ (бокат). 'Волосатого старика хорошую еду люди, не спрашивая, в карманы свои кладут. Ее щелкая, едят (кедровые орехи)' (Э. Ф.). 9. Ач дылла биникэн — авулкан, өмэн бөдэлэлкэн, нян ач унталач. Эрэк як? (дэвэнгит). 'Без головы, а в шапке, с одной ногой, но без унтов. Что это? (гриб)' (Э. Ф.). 10. Өмэн бэгэн бичэ, дөр коечэлкэн, дөр долдасалкан, дөр хэлкэсэлкэн, дөр гиркасалкан. — Таварал екал бидир? — Бэгэн бэй, дөр коечэсэк — дөр ясал, дөр долдасак — дөр корит, дөр хэлкэсэк — дөр нал, дөр гиркасак — дөр бөдэл. 'Один старейшина жил, у него две гляделки, две слушалки, две хваталки, две ходилки. — Что это такое? Старейшина — человек, две гляделки — два глаза, две слушалки — два уха, две хваталки — две руки, две ходилки — две ноги' (Э. Ф.). 11. Мян кунал бөкэс түгэсэкэлкэн. Тавур як? — Тавур бидин мян уняпан. 'Десять детишек лед зимней одеждой имеют. Это что? — Это будет десять пальцев'. 12. Ибдири бэй дөр амгал-

кан: *гялий дебгэрэн, гялий куниваттан* (пэктэрэвун). 'Загадочный человек имеет два рта: одним ест, другим кричит (ружье)' (Э. Ф.). 13. *Ибдири бэй иргэлкэн, олра букэчидин дьллаттан, няпчалкан-да (некэсэк)*. 'Неизвестный человек хвостатый, голова у него как у рыбы и рыбий хвост имеет (костяные накладки на луке)' (Э. Ф.). 14. *Гялкам хуги эсни эттэ, өмэккэм хунгэ хиндадин*. 'С другом буря не одолеет, одного ветер с ног свалит'. 15. *Нгин дыгэн ясалканни, дөр ясалканюн тэрэкэл*. 'У собаки четыре глаза, а видит она наравне с двухглазым (у собаки над глазами пятна)' (Э. Ф.). 16. *Нгин аркагалканни-да, аччан-да өмэн*. 'Если даже у собаки что-то есть — у нее все равно ничего нет (все ей без надобности)'. 17. *Бэй өмэн мэргэлкэнни, дэги дөр дэтлэлкэнни истаннан искаран*. 'У человека одна мысль, но она достигнет туда же, куда птица с двумя крыльями'. 18. *Асаткан ач мирлэ, ач нгалла, мян өмэнь хүлэк ясалални (колака)*. 'Девушка без плеч, без рук, у нее одиннадцать глаз (шумовка)' (Э. Ф.).

Посессивная ситуация в конструкциях с формой имени на *-лкан* со значением обладания выступает в ряде вариантов:

1. X представлен как посессор по отношению к интересующему нас оформленному суффиксом *-лкан* Y — лицам (пример 14) и предметам (примеры 4, 5, 11, 16), которые подразумеваются в связи с его микромиром.

2. Y может быть представлен как часть посессора X, обозначая неотторжимую принадлежность (примеры 1, 2, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 15, 18).

3. X — «обладатель» опредмеченного свойства, качества (примеры 3, 17).

Наряду с описанным суффиксом обладания можно отметить словообразующие суффиксы прилагательных, выражающих принадлежность: *-нчи* и *-мнан/ -мнэн*, образующие прилагательные со значением обладания какой-либо множественностью однородных предметов: *олранчин* 'рыбный', *онкапчин* 'пастбищный, имеющий много пастбищ', *тукарамнан* 'с большим количеством мусора', *кадарамнан* 'скалистый'. Данные показатели можно включить в описанную сферу.

Иначе интерпретируется структура посессивной ситуации в высказывании типа **Нонган орнатган**. 'Он — олений (имеющий оленей)'. Специфика данного способа представления посессивных отношений в подобных конструкциях выявляется в следующих признаках:

1) предмет обладания У интерпретируется как зависимая от обладателя субстанция, не занимающая вершинного положения в синтаксической структуре;

2) признак обладания в подобных конструкциях представлен как распространение отношения обладания на предмет обладания как на прямой объект;

3) обладатель Х трактуется как независимая субстанция — носитель признака обладания.

Конструкции характеризуются наличием отыменных глаголов, выражающих обладание. Актуализаторами приведенных особенностей являются словообразующие глагольные суффиксы. К.А. Новикова довольно четко отмечала их посессивный признак: «Аффикс -та/-тэ образует от основ существительных непереходные глаголы с указанием на обладание, пользование предметом, например: дю 'жилище'; -дот- 'иметь что-либо в качестве жилища, пользоваться чем-либо в качестве жилища'; тэти- 'одежда'; -тэтит- 'пользоваться чем-либо в качестве одежды'; учик 'верховой олень'; -учикат- 'иметь какого-л. оленя в качестве ездового' и др. От терминов родства он образует глаголы с указанием на отношение к кому-либо, например: хут 'ребенок'; -хутэт- 'иметь ребенком, являться, считаться чьим-л. ребенком'; аман 'отец'; -аманта- 'являться, считаться, приходится чьим-л. отцом'; экэн 'старшая сестра'; -экэнтэ- 'являться, считаться, приходится кому-л. старшей сестрой' и др. Вопросительное слово ятгай? 'чем владеть, обладать, пользоваться? кем являться, считаться, приходится?' Глаголы с этим аффиксом требуют дополнения в творительном падеже.

Аффикс -лач-/-т- ~ -лэч-/-т- ~ -нач-/-т- ~ -нэч-/-т- близок по значению к предыдущему. От основ существительных он образует непереходные глаголы со

значением временного владения, обладания, пользования предметом или временного общения с лицом, которое названо исходной основой, например: адал 'сеть', -адаллач/-т- 'иметь что-либо сетью, пользоваться чем-либо в качестве сети (временно)'... Вопросительное слово ялаттай 'чем владеть, обладать, пользоваться (временно)?'. Глаголы с этим основообразующим аффиксом, как рассмотренные выше, с афф. -т- ~ -та/-тэ- требуют дополнения в творительном падеже.

Аффикс -н'- образует от существительных непереходные глаголы со значением присвоения предмета, обращения его в свою собственность, например: дю 'жилище, юрта' -дюк (-дюкран) 'присвоить чей-либо дом, чью-либо юрту'... Вопросительное слово ян 'дай?' 'что присвоить?', 'кого (что) считать кем (чем) своим?' Глаголы с этим аффиксом требуют дополнения в творительном падеже» [Новикова, 1980, с. 21—22].

Примеры: Бэй итидин эрэглэ натанкалаттан (оми-вун). 'Человек своим лицом всегда ручку имеет (черпак для снега)'. Ибдири бэй дылач калтакуч гасимич дьллаттан, гадан-да кэвлэ (ананди). 'Неизвестный человек голову-половинку имеет, полголовы у него — дупло (деревянная чашка из нароста на дереве, из которой кормили оленей)' (Э. Ф.). Ибдири бэй ниридун эрэглэ кунани хонанкалаттан, нирин-да эти энэлрэ (о). 'Неизвестный человек на своей спине всегда своего ребенка в качестве орудия для рубки имеет, и спина у него не болит (о — скребок для обработки мездры: использовался также как рубящий инструмент)' (Э. Ф.).

Итак, вышеуказанные словообразующие глагольные суффиксы -та/-тэ, -лач/т/-лэч/т, -нач/т/-нэч/т, -н составляют содержание последнего пласта ФСП посессивности, относящегося к морфологическим средствам выражения посессивности.

Периферию поля посессивности образуют лексические элементы. Посессивная сема обнаруживается в широком кругу лексики.

Лексическими показателями посессивности в эвенском языке являются притяжательные и возвратные местоимения. Они были рассмотрены нами выше и с

позиции аналитического средства выражения посессивности, поэтому останавливаться на них не будем.

К этой же группе относятся и глаголы обладания, указывающие на специфический способ приобретения собственности, типа: *хараттай*, *унидэй* 'скупить', *тэдэй* 'отбирать', *гадай* 'взять'.

В отдельный пласт ФСП посессивности выводятся синтаксические конструкции, которые могут определять обладание, принадлежность. К синтаксическим способам выражения посессивности можно отнести экзистенциально-локативные конструкции с оформлением имени обладателя-субъекта местным падежом.

Анализ посессивных ситуаций показывает, что языковая семантическая интерпретация смысла определяется конкретной формой его выражения в эвенском языке. Случай, когда посессивность передается «через бытийность» — экзистенциально-локативные конструкции с оформлением имени обладателя местным падежом.

Например, в высказывании типа: **Нонгандулэ ораp бис** 'У него есть олени' интерпретацию посессивных отношений характеризуют следующие признаки:

а) предмет обладания У представлен как независимая субстанция (носитель предикативного признака), занимающая центральное положение в синтаксическом содержании предложения;

б) предикативный признак обладания интерпретируется как наличие (наличие предмета обладания в сфере обладателя);

в) обладатель представлен как «сфера субъекта», к которой относится предмет (в распоряжении обладателя, в его сфере).

Данное положение имеет отношение ко всем конструкциям с приведенной формулой: «имя обладателя Х в форме местного падежа + имя обладаемого предмета в именительном падеже (+ глагол бытийности *би-* 'быть')».

Примеры: *Өмэндүлэ бэйлэ дөрмөр ибдирил асаткар* (остал). 'У неизвестного человека двадцать неизвестных девушек (ногти)' (Э. Ф.). *Мяндула кунгалдула мян бөкэскэкэр* (хаирал). 'У десяти мальчиков десять льди-

нок (пальцы)' (Э. Ф.). *Мэнэн мурандула нонам хогдин.*
Эрэк як? (инмэ). 'У серебряного коня длинный хвост.
Что это? (игла)' (Э. Ф.).

Анализ приведенного материала показывает, что в эвенском языке выражение значения владения, обладания чем-либо, собственности, принадлежности возможно формами собственно посессивности (лично-притяжательные, возвратно-притяжательные суффиксы, относительная принадлежность), словообразующими суффиксами (форма обладания на *-лкан*, суффиксы *-пчи*, *-мнан/-мнэн*, глагольные суффиксы), а также лексическими и синтаксическими средствами. Выясняется, что арсенал средств обширен и разнообразен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В эвенском языке основной функциональной характеристикой местоимений является, во-первых, собственно указание (местоимения — дейктические слова), во-вторых, местоимения выполняют и роль субститутов — слов-заместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты содержательных структур в высказывании. В данном случае большую роль при выполнении общей функции коммуникации играет определенная ситуативность, речевая соотнесенность. В связи с этим местоимения рассмотрены с точки зрения их активного функционирования в устной и письменной эвенской речи.

Подход, базирующийся на теории функциональной грамматики, позволил нам в более полном объеме изучить коммуникативную функцию эвенских местоимений. В работе дана характеристика различных разрядов местоимений с точки зрения их семантики, а также систематическое описание грамматических категорий местоимений, в котором по сравнению с имеющимися описаниями внесены некоторые уточнения и дополнения. Так, выявлены некоторые грамматические формы определительных и вопросительных местоимений, которые в предыдущих грамматических работах не отмечались или подробно не изучались. В эвенском языке местоимения образуют самостоятельную часть речи с присущими только им лексическими и грамматическими особенностями.

Персональность в эвенском языке рассматривается нами как семантическая категория и базирующееся на ней функционально-семантическое поле, охва-

тывающее на основе персональных функций разноуровневые средства эвенского языка. В работе в полной мере представлены центральные и периферийные элементы, образующие ФСП личности. При структурировании поля во главу угла мы ставили то обстоятельство, что при актуализации личности личные местоимения в эвенском языке являются узкоспециальными средствами указания на определенное лицо, а «удобные» и неоспоримо четкие в морфологическом плане глагольные показатели лица все-таки имеют некоторые исключения в виде суффиксов 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. Исходя из приведенного, мы вывели двойственное ядро поля личности, состоящее из личных местоимений в форме именительного падежа и личных глагольных суффиксов. В данной структуре имеют свое место и рассмотренные разряды местоимений, такие как притяжательные, неопределенное местоимение, образованное от вопросительного *ни*, определенные местоимения со всеохватным значением. Периферию ФСП личности составляют личные местоимения в косвенных падежах, притяжательные местоимения и притяжательные формы имен, морфолого-семантические, лексические, синтаксические и контекстуальные средства выражения личности.

Структурирование поля посессивности в эвенском языке выявило, что ФСП может быть смоделировано как моноцентрическое. Основанием для такого положения служит комплекс специализированных формально-грамматических посессивных средств. Взаимодействие этих средств выявляется, в частности, в возможности отношений синонимии при общности определенного смыслового инварианта и тонких различиях в языковых значениях.

Функционально-семантическое поле посессивности, как показал анализ, характеризуется весьма тесным взаимодействием и взаимосвязью всех элементов языковой системы: морфологических, лексических и синтаксических.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Грамматический справочник (таблицы)

Таблица 1

Притяжательные формы имен существительных

Исходная форма	Основна на гласный		Основна на согласный		Основна на -н	
	хадга 'стадо'	экэ 'котел'	харак 'друг, приятель'	нимэк 'сосед'	харан 'спальное место'	нэрэн 'язык, речь'
1-е л. ед. ч.	хадга	экэв	харакун	нимэку	хараму	нэрэму
2-е л. ед. ч.	хадас	экэс	харакан	нимэхэс	харанси	нэрэнси
3-е л. ед. ч.	хадан	экэн	харакун	нимэхэн	харанни	нэрэнни
1-е л. мн. ч. искл.	хадавун	экэвун	харакун	нимэкун	харамун	нэрэмун
1-е л. мн. ч. вкл.	хадат	экэнт	харакат	нимэхэнт	харанни	нэрэнни
2-е л. мн. ч.	хадасан	экэсэн	харакасан	нимэхэсэн	харансан	нэрэнсэн
3-е л. мн. ч.	хадатан	экэнтэн	харакатан	нимэхэнтэн	харантан	нэрэнтэн

Таблица 2

Притяжательные формы имен существительных с основой на -н

Исходная форма	Основна на краткий гласный + н		Основна на два согласных + гласный + н		Основна на долгий гласный + н	
	аман 'отель'	эник- 'мать'	халган 'стопа, ступня'	хэнгэн 'колени'	харан 'место в пологе'	нэдэн 'место в юрте'
1-е л. ед. ч.	аману	энику	халгану	хэнгэму	хараму	нэдэму
2-е л. ед. ч.	аманси	эникни	халганси	хэнгэнси	харанси	нэдэнси

Таблица 3

Притяжательное склонение существительных *моми* 'лодка', *элбэк* 'полог', *тэдэм* 'место в юрте'.
 Формы принадлежности единственного числа

	Падж				Безл.
	1-с л.	2-с л.	3-с л.	Безл.	
	1	2	3	4	5
Имен.	<i>момив</i> <i>элбэку</i> <i>тэдэму</i>	<i>'моя лодка'</i> <i>'мой полог'</i> <i>'мое место в юрте'</i>	<i>момис</i> <i>элбэкэс</i> <i>тэдэнси</i>	<i>момин</i> <i>элбээн</i> <i>тэдэнни</i>	<i>момий</i> <i>элбэки</i> <i>тэдэми</i>
Вин.	<i>момиву</i> <i>элбэкув</i> <i>тэдэмув</i>		<i>момивус</i> <i>элбэкус</i> <i>тэдэмус</i>	<i>момиван</i> <i>элбэкээн</i> <i>тэдэмэн</i>	<i>момий</i> <i>элбэки</i> <i>тэдэми</i>
Дат.	<i>элбэктүв</i> <i>тэдэлдүв</i> <i>момиктив</i>		<i>элбэктүс</i> <i>тэдэлдүс</i> <i>момиктис</i>	<i>элбэктүн</i> <i>тэдэлдүн</i> <i>момиктин</i>	<i>момиды</i> <i>элбэктин</i> <i>тэдэлды</i>
Направ.	<i>элбэктэкив</i> <i>тэдэлтэкив</i>		<i>элбэктэкис</i> <i>тэдэлтэкис</i>	<i>элбэктэкин</i> <i>тэдэлтэкин</i>	<i>момиткий</i> <i>элбэктэкий</i> <i>тэдэлтэкий</i>

3-е л. ед. ч.	<i>аманни</i>	<i>эчинни</i>	<i>халаганны</i>	<i>хэнгэнни</i>	<i>харанни</i>	<i>тэдэнни</i>
1-е л. мн. ч. искл.	<i>аммун</i>	<i>эньмун</i>	<i>халнамун</i>	<i>хэнгэмун</i>	<i>харамун</i>	<i>тэдэмун</i>
1-с л. мн. ч. вкл.	<i>амантн</i>	<i>эчинтн</i>	<i>халаганти</i>	<i>хэнгэнтн</i>	<i>харантн</i>	<i>тэдэнтн</i>
2-е л. мн. ч.	<i>амансан</i>	<i>эчинсэн</i>	<i>халагансан</i>	<i>хэнгэнсэн</i>	<i>харансан</i>	<i>тэдэнсэн</i>
3-е л. мн. ч.	<i>амантан</i>	<i>эчинтэн</i>	<i>халагانتан</i>	<i>хэнгэнтэн</i>	<i>харантан</i>	<i>тэдэнтэн</i>
Безл. ед. ч.	<i>амми</i>	<i>эньми</i>	<i>халагами</i>	<i>хэнгэми</i>	<i>харами</i>	<i>тэдэми</i>
Безл. мн. ч.	<i>аммур</i>	<i>эньмур</i>	<i>халагамур</i>	<i>хэнгэмур</i>	<i>харамур</i>	<i>тэдэмур</i>

1	2	3	4	5
Мест.	момилав элбэклав тэдэндулав	момилас элбэклэс тэдэндулэс	момилан элбэклэн тэдэндулэн	момилай элбэклэй тэдэндулэй
Прод.	момилне элбэклне тэдэндулне	момилне элбэклне тэдэндулне	момилан элбэклэн тэдэндулэн	момилай элбэклэй тэдэндулэй
Направ.-мест.	момиклав элбэкэклав тэдэкклав	момиклас элбэкэклэс тэдэкклэс	момиклан элбэкэклэн тэдэкклэн	момиклай элбэкэклэй тэдэкклэй
Направ.-прод.	момиклне элбэкэкклне тэдэкклне	момиклне элбэкэклне тэдэкклне	момиклан элбэкэклэн тэдэкклэн	момиклай элбэкэклэй тэдэкклэй
Отлож.	момидукув элбэктукув тэдэндукув	момидукус элбэктукус тэдэндукус	момидукун элбэктукун тэдэндукун	момидуку(й) элбэктуку(й) тэдэндуку(й)
Исход.	момигидив элбэккидив тэдэнгидив	момигидис элбэккидис тэдэнгидис	момигидин элбэккидин тэдэнгидин	момигидий элбэккидий тэдэнгидий
Твор.	момидив элбэкчив тэдэидив	момидис элбэкчис тэдэндис	момидин элбэкчин тэдэндин	момиди элбэкчи тэдэнди
Совмест.	моминюму элбэкнюму тэдэннюму	моминюнси элбэкнюнси тэдэннюнси	моминюнни элбэкнюнни тэдэннюнни	моминюни элбэкнюни тэдэннюни

Назнач.

момигаку
элбэкэку
тэдэнгэку

момигас
элбэкэс
тэдэнгэс

момиган
элбэкэн
тэдэнгэн

момигай
элбэкэй
тэдэнгэй

Таблица 4

Притяжательное склонение существительных *моми* 'лодка', *элбэк* 'полог', *тэдэн* 'место в юрте',
Формы принадлежности множественного числа

Падёж	1-е л. искл.	1-е л. вкл.	2-е л.	3-е л.	Возвратно-притяжательная форма
	2	3	4	5	
Имен.	момивун элбэкун тэдэмун	момит элбэкэн тэдэнни	момиган элбэкэсэн тэдэнсэн	момиган элбэкэнэн тэдэнтэн	момивур элбэкур тэдэмур
Вин.	момивун элбэкувун тэдэмун	момивут элбэкут тэдэмут	момивусан элбэкусэн тэдэмусэн	элбэкусэн тэдэмусэн	момивур элбэкур тэдэмур
Дат.	момидувун элбэктувун тэдэндувун	момидут элбэктут тэдэндут	момидусан элбэктусэн тэдэндусэн	момидутан элбэктутэн тэдэндутэн	момидур элбэктур тэдэндур
Направ.	момиткивун элбэктэкивун тэдэнтэкивун	момиткит элбэктэкит тэдэнтэкит	момиткисан элбэктэкисэн тэдэнтэкисэн	момиткитан элбэктэкитэн тэдэнтэкитэн	момиткивур элбэктэкивур тэдэнтэкивур
Мест.	момилавун элбэкэлэвун тэдэндүмэвун	момилан элбэкэлэн тэдэндүмэн	момиласан элбэкэлэсэн тэдэндүлэсэн	момилатан элбэкэлэтэн тэдэндүмэтэн	момилавур элбэкэлэвур тэдэндүмэвур

1	2	3	4	5	6
Прод.	момилвун элбэкливун тэдэндулвун момиклавун элбэкэлэвун тэдэкэлэвун момикливун элбэкэкливун тэдэкливун момиджувун элбэктужувун тэдэндужувун момигидюн элбэккидюн тэдэнгидюн момидиэвун элбэкчэвун тэдэндичувун моминюмун элбэкинюмун тэдэннюмун момигагун элбэккэгун тэдэнгэгун	момилын элбэклин тэдэндулин момиклин элбэкэлэлин тэдэкэлэлин момиклин элбэкэклин тэдэклин момиджунт элбэктужунт тэдэндужунт момигидит элбэккидит тэдэнгидит момидисан элбэкчэсэн тэдэндисэн моминюнт элбэкинюнт тэдэннюнт момигат элбэкгэт тэдэнгэт	момилсан элбэклсэн тэдэндулсэн момикласан элбэкэлэсэн тэдэкэлэсэн момикласан элбэкэклсэн тэдэклсэн момиджусан элбэктужусэн тэдэндужусэн момигидисан элбэккидисэн тэдэнгидисэн момидисан элбэкчэсэн тэдэндисэн моминюнт элбэкинюнт тэдэннюнт момигасан элбэкгэсэн тэдэнгэсэн	момилтан элбэклтан тэдэндултэн момиклатан элбэкэлэсэн тэдэкэлэсэн момиклитан элбэкэклсэн тэдэклсэн момиджунтан элбэктужунтан тэдэндужунтан момигидитан элбэккидитэн тэдэнгидитэн момидитан элбэкчэсэн тэдэндитэн моминюнтан элбэкинюнтэн тэдэннюнтэн момигатан элбэккэгтэн тэдэнгэгтэн	момилвур элбэкливур тэдэндулвур момиклавур элбэкэлэвур тэдэкэлэвур момикливур элбэкэкливур тэдэкливур момиджувур элбэктужувур тэдэндужувур момигидюр элбэккидюр тэдэнгидюр момидюр элбэкчур тэдэндюр моминюмур элбэкинюмур тэдэннюмур момигакур элбэккэкур тэдэнгэкур
Направ.-мест.					
Направ.-прод.					
Отлож.					
Исход.					
Твор.					
Совмест.					
Назнач.					

Таблица 5

Притяжательное склонение существительного *орак* 'олень'

Падёж	1-е л. ед. ч.	2-е л. ед. ч.	3-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч. искл.	1-с л. мн. ч. вкл.	2-е л. мн. ч.	3-е л. мн. ч.
Имен.	<i>орму</i>	<i>оранси</i>	<i>оранни</i>	<i>ормун</i>	<i>оранни</i>	<i>орансан</i>	<i>орантан</i>
Вин.	<i>орму(в)</i>	<i>ормус</i>	<i>орман</i>	<i>ормун</i>	<i>ормун</i>	<i>ормусан</i>	<i>ормутан</i>
Дат.	<i>орантакив</i>	<i>орандус</i>	<i>орандун</i>	<i>орандукун</i>	<i>орандун</i>	<i>орандусан</i>	<i>орандутан</i>
Направ.	<i>орандулав</i>	<i>орантакис</i>	<i>орантакин</i>	<i>орантакивун</i>	<i>орантакит</i>	<i>орантакисан</i>	<i>орантакитан</i>
Мест.	<i>орандулив</i>	<i>орандулас</i>	<i>орандулан</i>	<i>орандулавун</i>	<i>орандулат</i>	<i>орандуласан</i>	<i>орандулатан</i>
Прод.	<i>ораклав</i>	<i>орандумис</i>	<i>орандулин</i>	<i>орандуливун</i>	<i>орандулит</i>	<i>орандумисан</i>	<i>орандулитан</i>
Направ.-мест.	<i>ораклав</i>	<i>ораклас</i>	<i>ораклан</i>	<i>ораклавун</i>	<i>ораклат</i>	<i>оракласан</i>	<i>ораклатан</i>
Направ.-прод.	<i>ораклав</i>	<i>ораклис</i>	<i>ораклин</i>	<i>оракливун</i>	<i>ораклит</i>	<i>ораклисан</i>	<i>ораклитан</i>
Отлож.	<i>орандукув</i>	<i>орандукус</i>	<i>орандукун</i>	<i>орандукувун</i>	<i>орандукун</i>	<i>орандукусан</i>	<i>орандукунтан</i>
Исход.	<i>орндив</i>	<i>орндис</i>	<i>орндин</i>	<i>орндивун</i>	<i>орндит</i>	<i>орндисан</i>	<i>орндитан</i>
Твор.	<i>орандив</i>	<i>орандис</i>	<i>орандин</i>	<i>орандивун</i>	<i>орандин</i>	<i>орандисан</i>	<i>орандитан</i>
Совмест.	<i>оранному</i>	<i>ораниниси</i>	<i>оранионни</i>	<i>ораннэмун</i>	<i>ораннотти</i>	<i>оранинсан</i>	<i>ораниноттан</i>
Назнач.	<i>органу</i>	<i>оркас</i>	<i>орган</i>	<i>оргакун</i>	<i>орган</i>	<i>оргасан</i>	<i>оргатан</i>

Склонение существительных в безлично-притяжательной форме

Падеж	Ед. ч.				Мн. ч.	
	основа на гласный	основа на согласный	основа на -н	основа на гласный	основа на согласный	основа на -н
Имен.	моми	элбэк	оран	элбэк	элбэк	оран
Вин.	момий	элбэки	орни	элбэки	элбэкур	ормур
Дат.	момиды	элбэкти	оранды	элбэкти	элбэктур	орандувур
Направ.	момиткий	элбэктэкий	орантакый	элбэктэкий	элбэктэкивур	орантэкивур
Мест.	момилай	элбэклай	орандулай	элбэклай	элбэклэвур	орандулаивур
Прод.	момилэй	элбэклей	орандулей	элбэклей	элбэклэвур	ораклаивур
Направ.-мест.	момиклай	элбэкэлэй	ораклай	элбэкэлэй	элбэжэкливур	ораклиивур
Направ.-прод.	момиклай	элбэкэслий	ораклай	элбэкэслий	элбэжэктур	орандукур
Отлож.	момидужи(й)	элбэктужи(й)	орандужи(й)	элбэктужи(й)	элбэжэктур	орандукур
Исход.	момигиди	элбэжкиди	орниди	элбэжкиди	элбэжэктур	орандукур
Твор.	момиди(й)	элбэжчи	оранди	элбэжчи	элбэжэктур	орандукур
Совмест.	моминноми	элбэжнноми	оринноми	элбэжнноми	элбэжэктур	орандукур
Назнач.	момигай	элбэжкэй	оргай	элбэжкэй	элбэжэктур	орандукур

Склонение личных местоимений

Падеж	Ед. ч.				Мн. ч.	
	1-е л. ед. ч.	2-е л. ед. ч.	3-е л. ед. ч.	1-е л. мн. ч. искл.	2-е л. мн. ч.	3-е л. мн. ч.
Имен.	би	хи	ноган	бу	ху	ногартан
Вин.	мину	хшу	ноган	мину	хшуну	ногарбулан
Дат.	минду	хинду	ногандун	минду	хшунду	ногардулан

Направ.	минтэки	хинтэки	ногантакин	мунтэки	мунтэки	хунтэки	ногартакитан
Мест.	миндуэлэ	хиндуэлэ	ногандулан	мундуэлэ	мундуэлэ	хундуэлэ	ногардулалан
Прод.	миндуули	хиндуули	ногандулин	мундуули	мундуули	хундуули	ногардулинтан
Направ.-мест.	минэкэлэ	хинэкэлэ	ногаклан	мунэкэлэ	мунэкэлэ	хунэкэлэ	ногараклалан
Направ.-прод.	минэкли	хинэкли	ногаклин	мунэкли	мунэкли	хунэкли	ногараклитан
Отлож.	миндук	хиндук	ногандукун	мундук	мундук	хундук	ногардукунтан
Исход.	мингич	хингич	ногангин	мунгич	мунгич	хунгич	ногаргинтан
Твор.	минэч	хинэч	ногандин	мунэч	мунэч	хунэч	ногардинтан
Совмест.	миннан	хиннон	ногнннн	муннон	муннон	хуннон	ногарнонтан

Таблица 8

Склонение указательных местоимений

Падёж	Ирэк 'который'		Эрэк 'этот'		Тырак 'тог'	
	ед. ч.	мл. ч.	ед. ч.	мл. ч.	ед. ч.	мл. ч.
Имен.	ирэк	ирэл	эрэк	эрэл	тырак	тырал
Вин.	ирэв	ирэлбу	эрэв	эрэлбу	тырав	тыралбу
Дат.	иду	ирэлду	эду	эрэлду	таду	тыралду
Направ.	иртэки	ирэлтэки	эртэки	эрэлтэки	тартаки	тыралтаки
Мест.	илэ	ирэлдулэ	элэ	эрэлдулэ	тала	тыралдула
Прод.	или	ирэлдуили	эли	эрэлдуили	тали	тыралдули
Направ.-мест.	ирэкэлэ	ирэлэкэлэ	эрэкэлэ	эрэлэкэлэ	тыраккэла	тыралэкэла
Направ.-прод.	ирэкли	ирэлэкли	эрэкли	эрэлэкли	тыраккли	тыралэкли
Отлож.	идук	ирэлдук	эдук	эрэлдук	тадук	тыралдук
Исход.	иргинч	ирэлгинч	эргич	эрэлгинч	таргинч	тыралгинч
Твор.	ирич	ирэлди	эрич	эрэлди	тарич	тыралди
Совмест.	ирнон	ирэлнон	эрэв	эрэлнон	тарнон	тыралнон

Таблица 9

Склонение вопросительных местоимений

Падж	ны 'кто'		як 'что'	
	ед. ч.	мл. ч.	ед. ч.	мл. ч.
Имен.	ни	ниче	як	ял
Вин.	нива	ниев	яв	ялбу
Дат.	ниду	ниеду	яду	ялду
Направ.	нитки	нитки	ятки	ялатки
Мест.	нилэ	ниелэ	ялэ	ялдулэ
Прод.	нили	ниели	яли	ялдули
Направ.-мест.	никлэ	ниеклэ	яклэ	ялакклэ
Направ.-прод.	никли	ниекли	якли	ялаккли
Отлож.	нидук	ниедук	ядук	ялдук
Исход.	нигич	ниегич	ягич	ялгич
Твор.	нич	ниеч	яч	ялчи
Совмест.	нилюн	ниелюн	ялюн	яллюн

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. — М.; Л., 1961. — Т. 2.
- Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. — СПб., 2000.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
- Белоловская В.Г.* Служебные слова в эвенском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1996.
- Бенвенист Э.* Природа местоимений // *Общая лингвистика*. — М., 1974.
- Богораз В.Г.* Материалы по ламутскому языку // *Тунгусский сборник*, 1. — М.; Л., 1931. — С. 1—106.
- Бойцова А.Ф.* Категория лица в эвенкийском языке. — Л., 1940.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. — Л., 1984.
- Бурыйкин А.А.* Лексические особенности диалектов и говоров эвенов Охотского района Хабаровского края // *Проблематика взаимодействия языковых уровней. Лингвистические исследования*. — Л., 1988. — С. 46—52.
- Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 2-е изд. — М., 1972.
- Володин А.П.* Морфология агглютинативного типа: Спецкурс для студентов и аспирантов северного отделения ФЛФ ЯГУ. Рукопись.
- Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). — М., 1974.
- Горцевская В.А.* Формы отрицания в эвенкийском языке. — Л., 1941.
- Данилова Н.И.* Местоимение в якутском языке. — Якутск, 1991.
- Дуткин Х.И.* Алтаиховский говор эвенов Якутии. — СПб., 1995.
- Котвич В.* Местоимения в алтайских языках // *Исследования по монгольской филологии*. — М., 1978. — С. 3—98.
- Лебедев В.Д.* Язык эвенов Якутии. — Л., 1978.
- Лебедев В.Д.* Охотский диалект эвенского языка. — Л., 1982.
- Левин В.И.* Краткий эвенско-русский словарь с приложением грамматического очерка. — Л., 1936.
- Левин В.И.* Самоучитель эвенского языка. — Л., 1935.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. — М., 1969.

Мальчуков А.Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке. Структурные и семантические аспекты. — СПб., 1999.

Михайловский О.Д. Количественные характеристики средств выражения неопределенного и обобщенного деятеля в немецком языке (в сопоставлении с русским языком) // Лингвистические исследования. — М., 1981. — С. 152—165.

Мулкиджанян А.Г. К вопросу о функциях таджикских указательных местоимений // Лингвистические исследования, 1985. Структура языка и языковые изменения. — М., 1985а. — С. 125—130.

Мулкиджанян А.Г. Семантика таджикского указательного местоимения *ин* // Лингвистические исследования, 1985. Структура языка и языковые изменения. — М., 1985б. — С. 131—134.

Мулкиджанян А.Г. Структура и семантика указательных местоимений в современном таджикском литературном языке // Лингвистические исследования. Функционирование грамматических категорий. — М., 1989. — С. 102—109.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. — М.; Л., 1960. — Ч. 1.

Новикова К.А. Эвенский язык // Языки народов СССР. — Л., 1968. — Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. — С. 88—108.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. — Л., 1980.

Новикова К.А. Эвенский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Корейский язык. Японский язык. — М., 1996.

Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык: Учеб. пособие для пед. училищ. — Л., 1991.

Реформатский А.А. Местоимения // Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. — М.: Наука, 1979. — С. 64—93.

Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. — Л., 1982.

Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. — Л., 1984.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л., 1989.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского глагола. — СПб., 1992.

Сем Л.И. Формы обладания в тунгусо-маньчжурских языках // Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. — СПб., 1998. — С. 3—12.

Смирнова А.А. Функционально-семантические группы субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица в современном немецком языке // Лингвистические исследования. Функционирование грамматических категорий. — М., 1989. — С. 154—160.

Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. — М., 1981. — С. 152—165.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. 1 (А—Н); Л., 1977. — Т. 2 (О—Э).

Суник О.П. Кур-урмийский диалект нанайского языка. — Л., 1958.

Суник О.П. Местоимения сам/свой и их морфологические дериваты в алтайских языках // *Очерки сравнительной морфологии алтайских языков.* — Л., 1978. — С. 232—268.

Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. — Л., 1982.

Суник О.П. Ульчский язык. — Л., 1985.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л., 1990.

Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. — Л., 1991.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. — СПб., 1992.

Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. — СПб., 1996а.

Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. — СПб., 1996б.

Хасанова М.М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. — Л., 1986.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — Л.: Учпедгиз, 1947.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. — Л.: Учпедгиз, 1949.

Шарина С.И. Типовые категориальные ситуации количественности (на примере эвенских загадок) // *Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.* — Якутск, 1998. — С. 89—91.

Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. — СПб., 1999.

Юдина А.Д. Неузусальные эмоционально-экспрессивные наименования лиц (по материалам неологизмов 60—80 годов) // *Лингвистические исследования. Общие и специальные вопросы языковой типологии.* — М., 1987. — С. 183—190.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя.* — М., 1972.

Benzing J. Lamutische Grammatik. — Wiesbaden, 1955.

Kotwicz W. Contribution aux études altaïques. II. Les noms de nombres // *Rosznik Orientalistyczny.* — Lwow, 1931. — Т. VII (1929—1930). — P. 152—222.

Malchukov A. Distributive Construction and Verbal Valence in Even // *Languages of the World.* — 1992. — N 3. — P. 4—10.

Sotavalta A. Westlamutische Materialien. — Helsinki, 1978.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Ам. — *Амамич М.Н.* Дэгэлэдилрилбу дэгийлбу набутникан эмэкэр ирануграр. Не провожайте с тоской улетающих птиц. — Магадан, 1983.
- Бул. — *Бурыкин А.А., Шарина С.И.* Образцы фольклора булунских эвенов в записях Арво Сотавалта // Фольклор и этнография народов Севера: Межвуз. сб. науч. тр. — Якутск, 1998. — С. 88—96.
- К — *Тарабукин Н.С.* Кунгаралу // Эвенская литература: Учеб. хрестоматия. — СПб., 1994. — С. 41—50.
- Кр. — *Кривошапкин А.В.* Уямкан коен. Рога уямкана. — Л., 1990.
- Л. Е. — *Лука Евангелиен.* Бэкэлтэчэ ханилни. Тулмачимга: Элрика В.С. — Стокгольм, 1995.
- Н. — *Тайшина Е.И., Роббек В.А.* Нелтэк. — Якутск, 1992.
- Т. К. — *Кейметинов В.С., Кейметинова А.Д.* Танганмайдугу: кн. 7—8 классту: Книга для чтения (7—8-е классы). — Якутск, 1996.
- Шол. — *Шолохов М.А.* Бэй бинилэн битлэ. Судьба человека / Пер. Н.А. Зыбина. — Магадан, 1985.
- Эд. — *Кейметинов В.С.* Эдек: Поэма. — Якутск, 1992.
- Э. Н. — *Эвэсэл торэнэтэн нимкарни:* Сказки эвенской земли / Ред. А.И. Хардани. — Магадан, 1988.
- Э. Ф. — *Бурыкин А.А.* Малые жанры эвенского фольклора. Загадки: Научный отчет. Рукопись. 1997.
- Эп. — Эпос охотских эвенов. — Якутск, 1986.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Алл. — аллаиховский говор
безл. ч. — безличное число
Бер. — березовский говор
букв. — буквально
вин. — винительный
вкл. — включительное
дат. — дательный
досл. — дословно
ед. ч. — единственное число
имен. — именительный
искл. — исключительное
исход. — исходный
л. — лицо
ма. — маньчжурский
мест. — местный
мн. ч. — множественное число
назнач. — назначительный
направ. — направительный
направ.-мест. — направительно-местный
направ.-прод. — направительно-продольный
Н.-К. — нижнеколымский говор
Ол. — ольский говор
отлож. — отложительный
прод. — продольный
ПС — персональные ситуации
совмест. — совместный
твор. — творительный
Томп. — томпонский говор
тунг. — тунгусский
ФСП — функционально-семантическое поле

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И ПОСЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ.	6
Посессивность	11
Глава I	
МЕСТОИМЕНΙΑ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	16
Личные местоимения	16
Притяжательные местоимения	22
Указательные местоимения	26
Определительные местоимения	30
Возвратное местоимение	37
Вопросительные местоимения	38
Неопределенные местоимения	41
Глава II	
КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ	43
Отношение лиц — участников обозначаемой ситуации и лиц — участников ситуации речи	44
Дейктивная функция персональности	45
Конкретный персональный дейксис	46
Неконкретный персональный дейксис	46
Состав категории персональности	48
Отражение лица субъекта в лице объекта	48
Персональная ситуация	49
Разновидности персональных ситуаций	50
Связь персональности с другими функциональ- но-семантическими категориями	51
Персональность и количественность	52
Персональность и посессивность	53
Функционально-семантическое поле персо- нальности	55

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
ПРИЛОЖЕНИЕ	78
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	87
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	90
ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ	91

Научное издание

Шарина Сардана Ивановна

**ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ
И ПОСЕССИВНОСТЬ
В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Редактор *Н.И. Коновалова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Слано в набор 24.10.01. Подписано в печать 20.11.01.

Бумага офсетная. Формат 84 × 108¹/₃₂. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 300 экз. Заказ № 521.

«Наука». Сибирская издательская фирма РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

Типография «Сибвузиздат»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 52.

**Сибирская издательская фирма «Наука» РАН
предоставляет индивидуальным
и коллективным заказчикам
широкий диапазон услуг:**

Книжные редакции

готовят к изданию литературу практически по всем направлениям фундаментальной науки — математике, геологии, химии, физике, ботанике, зоологии, медицине, физиологии, истории, философии, экономике, русской литературе и языку; помогают в оформлении и редактировании диссертаций и других материалов.

Отдел допечатной подготовки изданий выполняет

компьютерный набор и верстку;
сканирование и цветоделение;
техническую и художественную ретушь;
оригинал-макеты любой сложности.

Отдел маркетинга и рекламы

заключает договоры на поставку научной литературы и литературы для широкого круга читателей;

размещает рекламу на страницах книг и журналов Сибирского отделения РАН;

проводит маркетинговые исследования научно-популярной литературы;

ищет партнеров для совместного издания книг.

Мы рассмотрим любые предложения и программы!

*Приглашаем российских и иностранных партнеров
к сотрудничеству в области книгоиздания.*

Об условиях размещения заказов и оплате можно узнать по адресу:

630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Звоните по телефонам: (383-2)22-51-81 (приемная);

(383-2)22-68-82 (зам. директора);

(383-2)23-35-02 (отдел маркетинга);

(383-2)22-33-23 (редакция естественно-научной и технической литературы);

(383-2)22-02-47 (редакция литературы по гуманитарным наукам).

**Адреса книготорговых предприятий
торговой фирмы «Академкнига»**

Магазины «Книга — почтой»

- 121009, *Москва*, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345, *Санкт-Петербург*, ул. Петрозаводская, 75;
(812) 235-05-67

Магазины «Академкнига»

с указанием отделов «Книга — почтой»

- 690088, *Владивосток*, Океанский проспект, 140
(«Книга — почтой»); (4232) 5-27-91
620151, *Екатеринбург*, ул. Мамина-Сибиряка, 137
(«Книга — почтой»); (3432) 55-10-03
664033, *Иркутск*, ул. Лермонтова, 298
(«Книга — почтой»); (3952) 46-56-20
660049, *Красноярск*, ул. Сурикова, 45; (3912) 27-03-90
220012, *Минск*, пр. Ф. Скорины, 72; (10375-17) 232-00-52
232-46-52
117312, *Москва*, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192, *Москва*, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054, *Москва*, Цветной бульвар, 21, строение 2;
921-55-96
103624, *Москва*, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091, *Новосибирск*, Красный проспект, 51;
(3832) 21-15-60
630090, *Новосибирск*, Морской проспект, 22
(«Книга — почтой»); (3832) 30-09-22
142292, *Пушино* Московской обл., МКР «В», 1
(«Книга — почтой»); (13) 3-38-60
443022, *Самара*, проспект Ленина, 2
(«Книга — почтой»); (8462) 37-10-60
199034, *Санкт-Петербург*, Васильевский остров,
9-я линия, 16; (812) 323-34-62
191104, *Санкт-Петербург*, Литейный проспект, 57;
(812) 272-36-65
199164, *Санкт-Петербург*, Таможенный пер., 2;
(812) 328-32-11
194064, *Санкт-Петербург*, Тихорецкий проспект, 4;
(812) 247-70-39
634050, *Томск*, Набережная р. Ушайки, 18; (3822) 51-60-36
450059, *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
(3472) 24-47-74
450025, *Уфа*, ул. Коммунистическая, 49; (3472) 22-91-85